

*Писал он летопись войны
(из дневника военкора
В. Тилмостных)*

Писал он летопись войны (из дневника военкора В.И. Жилмостных).
Старый Оскол, 2017. – 100 с.

Всё дальше вглубь истории уходят от нас огненные годы Великой Отечественной войны. Память о ней остается в архивных фотографиях и документах, литературных источниках, воспоминаниях очевидцев. Огромную историческую ценность имеют фронтовые дневники, так как являются достаточно редкими источниками и заключают в себе уникальную информацию о военной повседневности.

В фондах Губкинского краеведческого музея хранятся материалы более чем о пятистах участниках Великой Отечественной войны. В 2015 году Анна Васильевна Уколова передала архив своего отца - военного корреспондента Василия Касьяновича Жилмостных: фотографии, выпуски дивизионной газеты «Сталинец», дневниковые записи, охватывающие период с 20 сентября 1941 г. по 5 января 1942 г. и с 18 июня 1944 г. по 15 ноября 1944 г.

В результате научной обработки архива и его анализа сотрудники музея отобрали наиболее интересные материалы, которые легли в основу книги.

Издание предназначено для широкого круга читателей: сотрудников музеев, библиотек, педагогов, краеведов, участников Великой Отечественной войны и их родственников, школьников, студентов, интересующиеся краеведением и военной тематикой.

Все дальше и дальше отделяет нас время от тех суровых и незабываемых лет, когда на полях величайших в истории сражений решались судьбы нашей Родины и всего человечества. Участники Великой Отечественной войны вынесли на своих плечах военные тяготы и лишения, не жалели сил и самой жизни, чтобы приблизить день Победы. Каждый из них верил в Победу, и эта вера помогла выстоять и выжить в самых суровых испытаниях на фронте. С каждым годом все меньше остается на земле живых участников и очевидцев тех событий. Тем дороже становится для нас и грядущих поколений каждый ветеран, каждое воспоминание как живое свидетельство о силе духа и мужестве наших воинов.

Выход в свет книги «Писал он летопись войны (из дневника военкора)» пример бережного отношения к памяти об участниках войны. Василий Касьянович Жилмостных – уроженец деревни Нижняя Клепешонка Горшеченского района Курской области. До Великой Отечественной войны работал в московских газетах, с 1965 г. корреспондентом губкинского районного радиовещания. В годы войны был военным корреспондентом, ответственным секретарем дивизионной газеты «Сталинец». Он старался как можно быстрее дать в газету сообщение об освобождении города или села, написать о самых смелых и отважных бойцах. Находясь в гуще событий, на фронтах, передовой, среди солдат и генералов, военные журналисты через слово поднимали моральный дух советских граждан, укрепляли у них уверенность в победе.

В.К. Жилмостных прошел дорогами войны от начала и до победного конца с блокнотом и оружием в руках. У него была привычка, сохранившаяся на протяжении всей жизни, вести дневники. Тогда, в годы войны, это были скудные строки, написанные в промежутках между боями и заданиями редакции. Теперь они – летопись войны, история, шагнувшая с пожелтевших страниц.

Эта книга еще одно напоминание о тех, кто остался на полях сражений. Бесспорна документальная, историческая и краеведческая ценность этого издания. Только сохранив историческую память, только воспитав в подрастающем поколении любовь к родной земле и ее прошлому, мы сможем оправдать надежды участников войны, отдавших свою жизнь за наш сегодняшний день.

*А.Н. Горбатовский,
начальник управления культуры
администрации Губкинского городского округа*

Автобиография

Родился 27 декабря 1906 г. в деревне Нижней Клешонке Ястробовского района Курской области в бедной крестьянской семье. Окончив сельскую школу, работал в сельском хозяйстве, а в 1923 г. поступил учиться в Знаменскую сельскохозяйственную школу. Окончить ее не пришлось,

ушел со второго года в связи с тем, что школа из Знаменского была переведена. В том же 1923 г. вступил в ряды РКСМ. В 1925 г. являлся секретарем сельской комсомольской организации, а в 1926 г. был председателем Ястробовского волостного бюро детских коммунистических групп (ДКГ). В 1926 г. был направлен на учебу в Курскую губернскую совпартшколу, которую закончил в 1928 г. После окончания Совпартшколы в 1928 г. короткое время работал заведующим районной избой – читальней, а в декабре 1928 г. был избран председателем Нижнеклешонского сельсовета Ястробовской волости. Работал председателем Сельсовета по август 1929 г., а в августе уехал в Воронеж сдавать экзамены в Воронежский сельскохозяйственный институт. Экзамены не выдержал и возвратился обратно. С октября 1929 г. по март 1930 работал председателем колхоза в деревне Нижняя Клешонка, а в апреле 1930 г., когда в районах сплошной коллективизации были созданы пер-

вые районные газеты, я начал работать в газете «Плამя» Шебекинского района Курской области. В газете работал ответственным секретарем до августа 1931 г., а в августе меня пригласили работать в «Крестьянскую газету». В «Крестьянской газете» с небольшим перерывом я проработал с августа 1931 по март 1933 г. В марте 1933 г. я выехал снова в район и работал ответственным секретарем районной газеты «Болховская коммуна» (г. Болхов). В этой газете я проработал до августа 1933 г., а затем выехал в Москву, куда меня вызвали в областную газету «За коллективизацию». В этой газете, ставшей позже «Московской колхозной газетой», я проработал в качестве корреспондента по 1938 г. А в 1938 г. в связи со слиянием газет «Московской колхозной газеты» и «Рабочая Москва» в одну газету «Московский большевик» я перешел на работу в редакцию газеты «Московский большевик», где проработал в качестве корреспондента по февраль 1940 г. В феврале 1940 г. перешел на работу в газету «Комсомольская правда», работал литсотрудником отдела рабочей, служащей и железнодорожной молодежи по май месяц 1940 г. А в июне начал работать в газете «Животноводство» (орган Наркомзема СССР). Работал сначала литсотрудником в аппарате, а в октябре 1940 г. выехал в город Свердловск в качестве постоянного корреспондента газеты «Животноводство» по Свердловской и Челябинской областям. С началом Великой Отечественной войны газета эта перестала выходить, а я 15 августа 1941 г. был призван в ряды Советской Армии. Призывался я в армию в 1929 г., был призван годным к службе, но как излишек оставлен с прохождением пересборов. В армии я сначала служил рядовым в Свердловске в запасном полку, а в конце сентября был направлен во вновь формируемую 371 стрелковую дивизию, в которой и прослужил с октября 1941 по январь

1946 г. С октября 1941 по апрель 1942 являлся рядовым, был прикомандирован к дивизионной газете. В апреле 1942 г. на фронте мне было присвоено первичное офицерское звание «младший политрук», в это же время я был назначен ответственным секретарем дивизионной газеты «Сталинец». Проработал я в дивизионной газете по январь 1946 г. Принимал участия в боях на западе и на востоке. На фронте с декабря 1941 г. Был на Калининском фронте. Был на Калининском фронте, на Западном и на III Белорусском. В апреле 1945 г. из-под Кенигсберга вместе с дивизией приехал на Дальний Восток, дивизия входила в войска I Дальневосточного фронта и принимала участие в боях против Японских империалистов. На фронте был награжден орденом Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды и медалью «За отвагу». Кроме того был награжден медалями «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», «За победу над Японией», «За освобождение Кореи», «30 лет Советской Армии». После войны за выслугу лет в Советской Армии был награжден медалью «За боевые заслуги». С января 1946 г. я работал в окружной газете Приморского военного округа «Сталинский воин» в качестве корреспондента-организатора отдела партийной и комсомольской жизни. В этой газете я проработал до января 1951 г., а с 1 января 1951 г. и до конца своей службы в кадрах Советской Армии по 6 марта 1951 г. работал постоянным корреспондентом газеты «Суворовский натиск». С января 1951 г. по май 1953 г. являлся постоянным корреспондентом газеты «Суворовский натиск» по Приморскому военному округу. С июня по октябрь 1953 г. являлся посткором этой же газеты по 25 армии и с октября 1953 до марта 1955 постоянным корреспондентом газеты по 54 ВА. Приказом начальника ГлавПУ Министерства обороны СССР от 31 января 1955 г. № 70 по возрасту уволен из рядов Со-

ветской Армии в запас, имея выслугу 20 лет и 2,5 месяца. Последнее воинское звание «подполковник» присвоено мне было в июле 1951 г. Членом КПСС являюсь с 1942 г. июля месяца. Партийных взысканий не имел и не имею. Членом ВЛКСМ состоял с 1923 по 1929 г. На фронте являлся секретарем парторганизации газеты «Сталинец». Во время работы в окружной газете «Сталинский воин» являлся членом партбюро.

Жена Русакова Вера Николаевна и 2 дочери Валентина 1941 г.р. и Анна 1951 г.р. Жена до замужества (1940 г.) работала в Москве медсестрой.

После увольнения из армии временно по болезни не работал. Местом постоянного жительства после увольнения в запас избрал город Ворошилов Уссурийский Приморского края...

*Полковник запаса Василий Жилмостных
1 августа 1951 г.*

АВТОБИОГРАФИЯ

На подполковника запаса ЖСилистых Василия Касьяновича
(звание, фамилия, имя и отчество)

Составляется в произвольной форме, собственноручно, без поспешки и исправлений, с обязательным освещением следующих вопросов:

- а) Год и место рождения (область, район, село, деревня). Семейное положение. Фамилия жены (мужа). (в настоящее время и до брака) имя, отчество. Год рождения, место рождения, национальность, партийность, чем занимался (си) до вступления в брак и занимался в настоящее время. Имена детей и год их рождения, где находится в настоящее время.
- б) Родители, братья и сестры самого и жены (мужа). Фамилия, имя, отчество, возраст (год рождения, место рождения, партийность, национальность). Занятие до Октябрьской революции и после. Места работы, чем занимался перед Отечественной войной и где. Где находится в настоящее время и чем занимается.
- в) С какого времени начал самостоятельно работать, сколько времени работал (или служил) и где до момента вступления в РККА.
- г) Какое получил общее, специальное и военное образование. В каких учебных заведениях и где, когда окончил, а если нет то с какого класса вышел.
- д) Где находился и работал во время Февральской и Октябрьской революций (указать точный адрес местопребывания или работы). Какое принимал участие в Октябрьской революции.
- е) Время вступления в члены, кандидаты ВЛКСМ, ВЛКСМ. Какой организацией принят и до партизанства, кандидатской школы, комсомольского быта. Какую вой партию и общественную работу, когда и сколько времени, если состоял ранее в ВЛКСМ или ВЛКСМ — причины выбытия.
- ж) Подвергался ли когда-либо партийным и комсомольским наказаниям, в какой организации, за что. Святи ли высылка или нет.
- з) Состоял ли в других партиях и троцкистской, правой, национал-шовинистических и прочих контрреволюционных организациях, в каком году и где, в качестве кого, по какому.
- и) Был ли оппозицион от генеральной линии партии, колдобания. Если были, то по какому вопросу и как долго продолжались эти колдобания. Какую парторботу выполнял в период борьбы с оппозицией 1921, 1923-24 гг. 1925-27 гг. и последующих лет. Участвовал ли в антипартийной белорусско-голландской группировке.
- к) Время и место вступления в РККА, когда, в каких частях или учреждениях служил, какие занимал должности. Участие в гражданской войне и других операциях. Участие в Отечественной войне, на каких должностях, сколько времени и где. Участие в боях, где и в качестве кого. Имеет ли ранения, контузии, увечья и награды. Если был потерян в службе, указать по каким причинам, с какого и по какое время.
- л) Был ли в плену у белых, интервентов и в период Отечественной войны. Когда, где и при каких обстоятельствах попал в плен. Сколько времени и где там находился. Когда был освобожден или бежал из плена. Находился ли в окружении в период Отечественной войны, когда, где и в качестве кого работал или служил, с кем проживал и в каком возрасте.
- м) Служил в старой армии. Сколько времени служил и последней чин.
- н) Служил ли в белой армии и армии интервентов, в антисоветских и националистических армиях (учреждениях, партизанских, мушкетерских, дашаки, мещенинских Гривин, баядах Махно, Антонова и других), когда, где, в качестве кого, как попал туда, когда, в какой части служил, сколько времени, участвовал ли в боях против частей Красной Армии, когда и где.
- о) Был ли осужден органами Советской власти, когда и за что, как назывался.
- п) Имел ли по суду либертарианские права рождения своего и жены (мужа) или близжайшие родственники (братья, сестры), за что, когда и где их фамилия, имена и отчества.
- р) Кто (фамилия, имя и отчество) находился или находится из родных и родственников самого и жены (мужа) на границе. Когда выехал, где проживал или проживает, чем занимался или занимается. Имеется ли связь самого, жены (мужа) или других родственников и каких. Если связь прекратилась, то когда.
- с) Служил или служит сейчас родственники или родственники жены (мужа) в армиях других стран, в белой армии, где, когда (фамилия, имя и отчество, степень родства) и в какой должности.
- т) Был ли какую работу против царского, белых и других буржуазных правительств и подвергался ли за это репрессиям со стороны судебных и карательных органов.
- у) Был ли связан с подпольными организациями или отдельными большевиками-революционерами. Где, когда — подробно.
- ф) Был ли за границей, когда, где и чем занимался (для постоянного местожительства или кем командирован и какую выполнял работу).
- г) Причины переезда к новому месту жительства (если менял)
- д) Военное звание, когда присвоено, чьим приказом.

При подписи указывается занимаемая должность и дата составления.

Родился 27 декабря 1906 года в дер. Низини Клетонке, Лейб-
бавского района Курганской области в бедной крестьянской семье.
Окончив сельскую школу работал в сельской конюшне, а
в 1926 году поступил учиться в Знаменскую сельско-хозяйствен-
ную школу. Окончив ее не пришел, ушел со второго го-
да в связи с тем, что школа из Знаменского была перебе-
жена. В том же, 1926 году вступил в ряды РККА. В 1925
году являлся секретарем сельской комсомольской органи-
зации, а в 1926 году был председателем Лейбавского во-
лостного бюро действий коммунистический групп (ДКГ). В
1926 году был направлен на учебу в Курганскую губернскую
Совпартишколу, которую закончил в 1928 году. После ок-
тания Совпартишколы в 1928 году продолжил время работы
заведующим районной школой гимназией, а в декабре 1928
года был избран председателем Низинно-Клетонского

Фронтвые записи

1941 год
20 сентября

Ранним утром наш небольшой эшелон прибыл из Свердловска на небольшую станцию. Подается команда выходить, строиться. Выходим из теплушек, выстраиваемся и шагаем вдоль железнодорожного полотна. Куда? Не знаем. Одеты кто во что – одни в шинелях, другие в бушлатах, третьи в демисезонных пальто, в гражданских пиджаках, а некоторые даже в полушубках... У каждого за плечами «сидор», вещевой мешок. И мешки разные. А у некоторых, как у меня, нет ничего.

Идем колонной, но не в ногу. Переговариваемся. Некоторые говорят, что будет формироваться тут новая дивизия и нас зачислят в эту дивизию.

Уже совсем рассвело, когда мы пришли к длинному зданию, похожему на барак. Кругом лес, больше березы. То тут, то там, в этом лесу виднеются одинокие домики. Ведший нас командир дает команду вольно, но не расходиться. Ребята снимают вещевые мешки, начинается завтрак. Едят, у кого что есть. Мы, человек пять свердловчан, вместе приехавших из запасного полка, решаем идти к ближайшему домику, попросить, чтобы согрели нам кипяточка.

Заходим. Нас встречает пожилая женщина. Кто-то из нас просит, чтобы согрели чайку.

– Что ж, согреть кипяточку могу, но только ребятки не прогневайтесь, заварочки у меня нет. Вот если... разве только травкой могу заварить лесной, она запашистая, не хуже чаю...

Что-ж, травкой, так травкой! Не прошло и полчаса, как мы уже отхлебываем из кружек заваренный сеном напиток и заедаем его хлебом. То ли проголодались, то ли потому, что немного продрогли, но кипяток, отдающий запахом земляники, душицы и других лесных трав, кажется нам удивительно вкусным, даже и без сахара.

Подзаправившись идем опять на место нашей остановки. Там уже опять идет построение. Потом из длинного барака (оказывается, это уже был штаб дивизии) выходит группа командиров, политработников. Начинается отбор. Кого куда.

Молодой чернявый политрук звонким голосом с украинским акцентом спрашивает:

– Кто из вас работал в газете?

– Я работал! – отвечаю я.

Политрук подходит ко мне, достает из кармана блокнотик. Расспрашивает, в каких газетах работал. Отвечаю. Когда сказал, что приходилось работать и в «Комсомольской правде», политрук как то обрадовался. «Знаю, знаю тот коллектив, на практике там был!» Тут же он написал в блокнот мою фамилию, сказал, что в ближайшие дни договорится с начальником политотдела и с комиссаром дивизии и вызовет меня для работы в дивизионной газете. Но тут же предупредил, что я буду нештатным работником и в звании красноармейца.

– Как, согласны?

Я согласился, сказал, что дело не в звании, а дело в том, чтобы работа была по душе. Газетную же работу я любил.

29 сентября

Все эти дни нахожусь в 1229 полку, куда зачислен уже в штат. Занимаемся строевой подготовкой, строим землянки. Идут ежедневно разговоры – скоро ли пошлют

нас на фронт. Спрашиваем нашего командира роты, лейтенанта по званию. Тот отмалчивается. Ответает:

– Когда надо, тогда и поедем. А сейчас учитесь. Ведь пока что из вас солдаты неважные...

В самом деле, солдаты мы были пока неважные. Во-первых, все еще наблюдалась пестрота в обмундировании. Одни были одеты уже по-военному – в шинелях, в пилотках, в ботинках с обмотками. А многие все еще щеголяли в штатском. И в кадрах почти никто не служил, больше были территориальники, а некоторые вообще впервые узнали, что такое строй, хотя и было уже некоторым под сорок...

Командиры у нас были молодые лейтенанты и младшие лейтенанты по званию, только что закончившие Череповецкое пехотное училище, а политработники – прошедшие краткосрочные курсы в Красноуфимске запасники. Но все были неплохие ребята, мы были ими довольны.

Я с нетерпением ожидал вызова в редакцию. Но пока ничего не было, и я подумывал, не забыл ли политрук о своем обещании. Но вот сегодня меня вызвал командир роты и сказал, чтобы я шел в штаб полка.

Подумал: «Наверное, в редакцию!» И сердце радостно застучало в груди.

В штабе полка сказали, что меня вызывают в политотдел дивизии, сказали как туда пройти.

И вот я в политотделе дивизии. Меня встречает там тот самый политрук, редактор газеты, Якубенко. Встречает как старого знакомого, по-дружески.

Ведет к начальнику политотдела старшему политруку Ефанову.

Тот без долгих разговоров, сразу же к делу:

– В газете работали?

– Работал.

– Будете работать в нашей дивизионной газете. Все

дальнейшие указания получите от редактора политрука Якубенко. Ясно?

– Ясно, товарищ старший политрук! Стараясь, чтобы это было по-военному, ответил я.

Тут же пошли с редактором в редакцию. Она помещалась в том же здании, в небольшой комнатухе, а другую, такую же небольшую комнатуху занимала типография.

Редактор познакомил меня с работниками редакции – с инструктором газеты политруком Иваном Константиновичем Харьковым и с ответственным секретарем редакции младшим политруком Александром Можаяевым. Фамилию Можаяева я часто встречал в «Уральском рабочем», знал, что это был постоянный корреспондент газеты по одному из кустов.

И тот, и другой товарищи встретили меня несколько настороженно. Они уже знали от редактора, что я работал в центральных газетах. Но вид мой сейчас никак не соответствовал этому. На мне была не совсем по росту пригнанная красноармейская шинель, на ногах большие ботинки и черные обмотки. В общем, выглядел я неказисто. А Харьков и Можаяев были в новеньком, только что полученном обмундировании, на них одеты были, новенькие, пахнущие кожей, портупеи, на петлицах поблескивали кубики.

Возрастом же я, судя по виду, был несколько постарше. Мне было 35. Харькову – лет под тридцать, а Можаяеву не больше 25. И самым молодым среди нас был редактор. Ему было не больше 22. Он только что закончил перед началом войны Московское Военно-политическое училище, прошел практику в газете «Комсомольская правда» и сразу же сюда, в Чебаркуль, на должность редактора дивизионной газеты вновь созданной 371 стрелковой дивизии.

Сразу же редактор познакомил меня и с типограф-

скими рабочими. Их было трое – старший наборщик Николай Иванович Шатров. Это был на вид мужчина лет сорока, невысокого роста, но плотный. До армии работал в Златоустовской типографии начальником смены или что-то в этом роде, во всяком случае не рядовым наборщиком. Держал он себя немного, как мне показалось на первый взгляд, надменно. Был немногословен.

Второй – наборщик Григорий Дымшаков. До армии работал в Багаряке, наборщиком. Как узнал потом, Шатров был беспартийный, а Гриша Дымшаков, несмотря на то, что годами был значительно моложе (было ему на взгляд лет 25), являлся членом партии. И наконец – печатник Филипп Иванович Быков – из города Копейска. В общем, все – уральцы. Только я, да редактор были не уральцами.

– Жить будешь, товарищ Жилмостных, здесь, вместе с наборщиками, питаться тоже будете все вместе в одной столовой. В общем, товарищ Шатров здесь старший (он был среди всех и старшим по званию, на гимнастерке его виднелись три треугольника, что говорило, что он «старший сержант», а все остальные были рядовыми красноармейцами), он все расскажет и покажет.

30 сентября

Сегодня уже приступил к работе. Был в полках (у нас в дивизии три стрелковых полка – 1229, 1231 и 1233), все они расположены недалеко друг от друга.

Обращался прежде всего к политработникам, представлялся как корреспондент дивизионной газеты. Газеты пока еще не было, и политработники удивленно спрашивали: «А что, разве у нас в дивизии будет выпускаться своя газета?» И когда я говорил, что уже 1 октября должен у нас выйти первый номер нашей дивизионной газеты «Сталинец», то они обрадовано говорили:

«Замечательно! Ведь это же будет нам большая подмога в воспитании бойцов».

Солдаты, когда узнавали, что я от газеты, охотно делились своими мыслями, чувствами. Некоторые спрашивали: «Вы из газеты, вам, наверное, известно, скоро ли поедem на фронт?» Я конечно, как и все солдаты, не знал, когда и куда мы поедem. Отвечал, что будем пока готовиться, а когда надо, то поедem на фронт, добавлял, что по всей видимости дело это недалекое.

О том, что скоро мы должны отправиться на фронт, знали и сами солдаты. Каждый день все слушали передаваемые по радио сводки «Совинформбюро». Они не радовали. Немцы быстро двигались вперед, ежедневно наши войска оставляли врагу десятки городов... Положение было тяжелое, тревожное. Знали, что на фронте наши войска несут большие потери, что все время фронту требуется новое и новое пополнение.

И почему то всем хотелось поехать на фронт скорее. Говорили: «Раз ехать придется, то хоть бы скорее. А там – жив, значит, жив, а убьют – от смерти не уйдешь».

Интересовались еще солдаты – выдадут ли им оружие. Сейчас пока что занимались с деревянными винтовками, с трещетками, вместо пулеметов.

Некоторые смеялись: «ну, настоящие мальчишки, в войну играем».

Командиры говорили, что оружия сейчас не получим, что его недостает на фронте.

Думали – как так, все время твердили нам, что оружия у нас много, что пусть только враг нападет на нас и мы, его, что называется, шапками закидаем – и вот, на тебе! Занимаемся с деревянными ружьями. А ведь врага деревянными ружьями не возьмешь!

Но, во всяком случае, занимались с деревянным оружием, условности допускались на каждом шагу.

Сегодня вышел первый номер нашей солдатской газеты «Сталинец». Хорошей бумаги не достали, пришлось выпускать на обычной, синеватой бумаге. Вверху – «После прочтения – сжечь».

На первой полосе (а газетка-то всего двухполосная, маленького формата) обращение политотдела соединения и редакции газеты ко всем бойцам, командирам и политработникам.

«Газета «Сталинец» – говорится в обращении, – должна быть первым помощником в работе каждого бойца, командира, политработника. Она должна сплачивать наши ряды, укреплять советскую воинскую дисциплину, повышать боевую выучку, воспитывать бойцов, не знающих страха в бою, презирающих смерть, во имя процветания нашей любимой Родины».

В передовой «Наши задачи» призывалось «Учить бойцов только тому, что нужно на войне, и только так, как делается на войне».

Но пока что, как я уже говорил, так не делалось. Материальной базы пока не было, не было еще у нас в дивизии и боевого опыта командиров и политработников.

Думал – «А подготовятся ли бойцы дивизии по-настоящему к боевым действиям?»

8 октября

Все эти дни идет в частях и подразделениях напряженная учеба. Везде и всюду слышатся команды. То тут, то там, видишь группы бойцов, отрабатывающих действия в бою – перебежки, переползания по-пластунски, штыковой бой и т.д.

Чувствуется приближение зимы. С каждым днем становится холоднее. Я перешел на жительство в не-

большой летний домик, где живут Харьков, Можаяев и еще два человека из дивизионного клуба – красноармеец Кляузов, бывший артист Челябинского театра, и киномеханик Виктор Семейн. Ребята, кажись, неплохие. Кляузов все напевает песенку «Синий платочек», Семейн рассказывает анекдоты.

Но встречаемся мы только поздним вечером. Днем каждый занят своим делом. Я хожу по подразделениям, разговариваю с бойцами, командирами, пишу материалы в газету.

Сегодня в дивизии прошла дивизионная партконференция. Открыл конференцию начальник политотдела старший политрук Ефанов. С докладом о задачах партийной организации выступил комиссар дивизии батальонный комиссар Новожилов. Слышал, что Новожилов уже участвовал в боях, был, как будто, ранен. Был он делегатом XVIII съезда партии. Вообще, на вид человек строгий и суровый. Начальник политотдела выглядит куда человечнее, культурнее. Он как будто закончил Военно-политическую академию имени Ленина.

Выступал на конференции и наш командир дивизии генерал-майор Чернышев. Он к нам в дивизию направлен прямо с академии. Там преподавал как будто тактику.

Ну, коль речь пошла о нашем командовании, то скажу еще кое о ком, кого узнал за это время. Начальник штаба дивизии Щеглов, начальник разведывательного отдела капитан Сакаев. Последний выглядит в военном отношении, на мой взгляд, подготовленнее всех.

Но, в общем – заключения пока делать рано, увидим, как покажут они себя на фронте.

А на фронт двинемся, наверное, скоро. Судя по сводкам Совинформбюро дела наши плохи. Немцы упрямо лезут вперед, уже недалеко им и до Москвы.

10 октября

Сегодня случилось чрезвычайное происшествие. К одному из бойцов приехала жена. В лесу у нее начались родовые схватки. Проезжавшие мимо бойцы положили ее на телегу, хотели отвезти в санчасть. Но не довезли. Она тут же и разродилась. Пришлось этим бойцам принимать ребенка. Рассказывают – напугались они, но ничего, все обошлось благополучно. Новорожденного завернули в рубашку одного из солдат и привезли и мать, и ребенка в медсанбат.

Отпечатали лозунги ЦК ВКП (б) к XXIV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Все лозунги связаны с временем, с войной.

12 октября

В дивизии торжественный день – принятие бойцами присяги. Все бойцы выстроены на обширном плацу перед зданием штаба дивизии. Ветер колышет красные знамена, торжественно звучат слова присяги, которые многоголосо повторяют бойцы и командиры.

В газете мы дали выступления бойцов И. Василькова, П. Пашкова, И. Морозова, А. Мигунова, И. Паздникова, их патриотические высказывания в связи с принятием военной присяги. Все воины клянутся не щадить ни сил, ни крови, ни жизни во имя победы над врагом.

16 октября

За последние дни в нашу дивизию прибыло немало бойцов и младших командиров, после излечения в госпиталях. Это уже обстрелянные, побывавшие в боях, воины. Они уже своими глазами видели войну. Их с большим интересом слушают небывавшие еще в боях, расспрашивают как там.

Наша газета дала несколько заметок бывалых воинов под шапкой «Рассказы о боевом опыте Отечественной войны». Выступил на страницах газет сержант Цупров. Он рассказал, как их рота попала в окружение, и как бойцы дрались, выходя из окружения, как их повар красноармеец Адамович убил в одном бою 14 фашистов. А командир отделения А. Шеппель рассказал, как их, четырех бойцов, окружили около двадцати гитлеровцев. Но бойцы не растерялись и пустили в ход гранаты. Гранатами они уничтожили часть немцев, а остальные трусливо сбежали...

Ну, в общем-то, все это хорошо пока на бумаге. А вот как это будет в бою?!

Вечером в клубе проведен вечер самодеятельности. Со своими стихами о присяге выступил Василий Кляузов. Читает он неплохо. С рассказом Ленча «Если завтра война» выступила жена младшего политрука Осовского. Он – заведующий клубом. До призыва был артистом в Челябинске.

По-прежнему целые дни идет боевая подготовка. Главное внимание уделяется сейчас стрелковой подготовке. Все время на стрельбище гремят выстрелы.

18 октября

Редактор обещал послать меня в Свердловск. Обрадовался. Проведаю жену. Не виделись, наверное, уже месяца два. До поездки дано задание сделать снимки. Теперь хожу с фотоаппаратом «ФЭД», делаю снимки, показывающие боевую учебу. Снимки делать затруднительно из-за того, что по-прежнему в подразделениях деревянное оружие. Приходится снимать там, где имеется настоящее.

Почти в каждом номере газеты мы публикуем материалы о сборе средств в фонд обороны. И бойцы, и командиры вносят в фонд обороны наличные деньги, многие обязуются отчислять от заработка (это командиры и политработники), некоторые сдают в фонд обороны облигации займов...

Да, а положение и на фронтах, да и в стране становится все напряженнее. Я как-то за последнее время мало интересовался, что идет в так называемом «тылу». А дела неважны. С прилавков исчезли почти все продовольственные товары. Даже крабов, которых почти никто не брал, сейчас уже на прилавках нет. Везде и за всем очереди. А ведь война идет всего каких-нибудь четыре месяца. Что же будет дальше? Где же заверение Молотова, что всего у нас в стране достаточно? Нет, по всей видимости, если война затянется надолго, то трудно придется нашему народу. А война затягивается. Ведь что говорили вначале: «Ну, это на месяц, не больше! Немцам быстро дадут пить!» Верили, что быстро немцев погонят назад, что быстро закончится война нашей победой. Да и как было не верить этому, когда незадолго до войны на конференциях и съездах уверяли что «будем бить врага на его же собственной территории», «завоюем победу ценой малой крови» и т.д. А что получилось? Получилось, что враг бьет пока нас на нашей территории. Что война с первых же дней оказалась кровопролитной. И главное – всем становится все яснее и яснее, что мы много болтали и плохо готовились к войне. Фашисты оказались куда подготовленнее и куда сильнее нас.

Я не верю, чтобы наша страна была побеждена. Не верят в это и большинство, с кем приходится говорить. Наша страна огромна и ее никак не проглотить такому хоть и сильному, но все же пигмею – Германии. Но победа достанется нам очень дорого...

Но в общем, как говорят, поживем – увидим. А пока продолжается однообразная учеба в Чебаркульских лагерях. Уже всем она изрядно надоела, всем и хочется быстрее на фронт.

27 октября

Вот и Свердловск! Как изменился он за это время, пока я не был здесь. Везде очереди, в магазинах уже пустота. Уж много понаехало сюда эвакуированных. Цены быстро лезут вверх.

Дома меня встретила теща. Сообщила, что Вера уже в роддоме, что 23 она родила дочь. Сообщение как то не обрадовало. Не во время все это. Ведь жить придется очень трудно.

Сходил в штаб округа. Побывал в отделе снабжения. Получил различные фото принадлежности – бумагу, пленку, химикалии. Потом зашел в роддом, повидался с Верой. Дочь так и не посмотрел. Договорились, чтобы дочь именовали Валентиной.

Из Свердловска уезжал в переполненном вагоне. У людей только что и разговора, что о войне. Народ как-то подавлен нашими неудачами на фронтах, высказывают некоторые даже не уверенность в нашей победе.

31 октября

В сегодняшнем номере газеты поместили первые мои три фотоснимка и газета впервые вышла на четырех полосах. Хотя и маленькая, но уже больше походит на газету.

Идет слух, что скоро мы отправимся на фронт. Это как-то поднимает дух. Настроение у бойцов довольно бодрое, много патриотизма. Некоторые бойцы отдают свое месячное довольствие до конца войны в фонд обороны. Сегодня в газете мы дали коротенькое пись-

мо красноармейца Леонида Николаевича Засыпкина. Он пишет:

«Я, красноармеец Засыпкин Леонид Николаевич, вношу в фонд обороны свое месячное денежное довольствие до конца войны.

Пусть знает подлый враг, как мы любим свою Родину и жизни своей не пожалеем для ее защиты».

С завтрашнего дня начинается в дивизии смотр ротной художественной самодеятельности. У начальника клуба Оссовского много дел. А вообще самодеятельность у нас уже неплохая, есть немало исполнителей песен, декламаторов, плясунов. Неплохо выступает медсестра Курбан-Галиева. В газете дали статью Оссовского по вопросу подготовки к самодеятельности.

7 ноября

Вот и праздник! Впервые мы проводим его в такой обстановке. С большим вниманием выслушали выступление тов. Сталина. Выступление вселяет какую-то уверенность в победе. Еще больше стремления скорее на фронт.

Да и по всему видно, что ждать остается немного. Вот-вот мы выедем. В коротенькой передовой нашей газеты «В бой за Родину» говорится: «... Сейчас каждый боец, командир и политработник должен помнить, что мы в ближайшее время поедим на фронт, вольемся в действующую армию. Мы к этому готовы!»

В газете дали подборку писем бойцов, в которых они заявляют о своей готовности выступить на защиту Родины и защищать ее так, как требует присяга.

7 ноября

Вот и праздник! Впервые мы проводим его в такой обстановке. С большим вниманием выслушали выступление тов. Сталина. Выступление вселяет какую то уверенность в победе. Еще больше стремления скорее на фронт.

Да и по всему видно, что ждать остается немного. Вот вот мы выедем. В коротенькой передовой нашей газеты " В бой за Родину" говорится: " ... Сейчас каждый боец, командир и политработник должен помнить, что мы в ближайшее время поедем на фронт, возьмемся в действующую армию. Мы к этому готовы!

В газете дали подборку писем бойцов, в которых они заявляют о своей готовности выступить на защиту Родины и защищать ее так, как требует присяга.

11 ноября

Сегодня наша газета вышла увеличенным форматом на четырех полосах. Опубликовали доклад тов. В.И.Сталина на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями гор. Москвы 6 ноября 1941 г.

Доклад этот уже слушали по радио, но все равно бойцы, командиры, политработники читают его с глубоким интересом. Сейчас во всех подразделениях изучают доклад тов. Сталина и его выступление на параде, проходят митинги.

На митинге артиллеристов выступил командир орудия, уже пожилой боец Дмитрий Наймушин.

" Слова великого вождя вселяют у нас твердую уверенность в победе! - с чувством говорил артиллерист, - Вступая в бой с фашистами я буду действовать смело, храбро, уверенно. Мой орудинный расчёт свято выполнит свой долг перед Родиной!"

С такими же патриотическими чувствами выступают на митингах и другие воины.

Все чувствуют, что на-днях мы отправляемся на фронт.

15 ноября

На железнодорожных путях стоят составы. Идет погрузка. Грузятся полки. Бойцы работают с азартом, увлечением. Затра - послезавтра погрузимся и мы, вместе с штабом дивизии, политотделом. Куда поедем - неизвестно. Во всяком случае на запад. Не знаю, поедем ли через Свердловск?

11 ноября

Сегодня наша газета вышла увеличенным форматом на четырех полосах. Опубликовали доклад тов. И.В. Сталина на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями гор. Москвы 6 ноября 1941 г.

Доклад этот уже слушали по радио, но все равно бойцы, командиры, политработники читают его с глубоким интересом. Сейчас во всех подразделениях изучают доклад тов. Сталина и его выступление на параде, проходят митинги.

На митинге артиллеристов выступил командир орудия, уже пожилой боец Дмитрий Наймушин.

«Слова великого вождя вселяют в нас твердую уверенность в победе! – с чувством говорил артиллерист, – вступая в бой с фашистами, я буду действовать смело, храбро, уверенно. Мой оружейный расчет свято выполнит свой долг перед Родиной!»

С такими же патриотическими чувствами выступают на митингах и другие воины.

Все чувствуют, что на днях мы отправляемся на фронт.

15 ноября

На железнодорожных путях стоят составы. Идет погрузка. Грузятся полки. Бойцы работают с азартом, увлечением. Завтра – послезавтра погрузимся и мы, вместе с штабом дивизии, политотделом. Куда поедем – неизвестно. Во всяком случае, на запад. Не знаю, поедем ли через Свердловск?

Хоть и охота уже покидать эти места, однако как-то одновременно и грустно. Привык к этим берёзовым рощам, небольшим озеркам, к этому красивому уральскому пейзажу. Да и к работе привык, материал органи-

зовать стало довольно легко, так как расположены все полки рядом, и людей теперь хорошо узнал.

А как то будет там на фронте? Как мы будем там выпускать газету – пока для всех нас не ясно

Тут все мы на месте. И хоть техника у нас, как говорит печатник Быков и наборщики, – утильсырьё – шрифт надо давно в гарт сдать, а машину «бостонку» в металлолом – но всё же мы как-никак, а на месте выпускали газету.

А как там?...

Но, как говорится, – поживём – увидим! Выпустили мы небольшую листовку за подписью командования части и политотдела «Ко всем бойцам, командирам, начальникам и политработникам воинской части» (теперь дивизию не называем соединением, а частью. Это в целях сохранения военной тайны).

Листовка начинается:

«На нашу долю выпала великая честь. Скоро мы получим боевое оружие и отправимся на фронт. Скоро мы вступим в ряды действующей армии. Для того, кто любит свою Родину, свою землю, свой народ – не может быть другой, более почётной задачи, как защита своей Родины».

В общем, вся листовка выдержана в патриотическом духе. Писал листовку я. Редактор носил её в политотдел, там одобрили и он остался доволен. В общем, прямо скажу, что редактор меня уважает и все наиболее ответственные задания даёт мне, несмотря на то, что я беспартийный. Чувствую, что политрук Харьков немного недоволен, но скрывает это. Можжевель же относится к этому как-то безразлично.

На путь следования выпустили свою газетку в уменьшенном формате под шапкой «Не ослаблять в пути следования массово-политической работы с бойцами».

18 ноября

Мы в эшелоне направляемся на запад. Уже позади остался Урал. Наш состав несётся по заснеженному пути. На крышах переднего и последнего вагонов установлены пулемёты. Как и положено, бойцы несут вахту, следят за воздухом. Навстречу нам идут эшелоны с разным промышленным оборудованием. Это эвакуируют заводы в Урал и в Сибирь.

Гадаем – куда нас везут? Никто не знает. Между собой ведём разговор, как будем выпускать газету в боевой обстановке. Все единодушны в том, что делать газету без того, чтобы не бывать вместе с бойцами на передовой – никак нельзя. Особенно подчёркивает это наш редактор Якубенко. Он так и говорит, что каждый из нас обязательно должен побывать в бою, сам ощутить все переживания война в бою, только тогда мы можем по-настоящему писать о людях, о героях.

Всю дорогу нас почему-то кормят селёдкой. Без конца кипятим воду и пьём чай. А эшелон всё несётся и несётся на запад. Мы почти нигде не останавливаемся, едем быстро. Перед нами проносятся заснеженные полустанки, небольшие станции. На больших станциях нас загоняют куда-то, немного стоим, а потом снова гудок – и вперёд...

22 ноября

Мы в Ярославле. Разместились в здании бывшего когда-то юнкерского училища, а потом как будто интендантской школы. Думали, попадём на фронт, а попали в довольно большой город, отстоящий от фронта ещё далеко. Правда, дыхание войны тут чувствуется больше, чем на Урале, уже где-то недалеко от города, как мы слышали, ведутся работы по сооружению оборонительных рубежей...

Сразу же в полках, батальонах, ротах начались занятия. Также в Чебаркуле с утра до вечера на обширном дворе, примыкающем к казармам, слышались команды – направо, налево, развернись, бегом и т.д.

Среди солдат идут разговоры о том, что наша дивизия будет стоять в Ярославле, строить где-то поблизости оборонительные сооружения. Так ли это? Посмотрим.

29 ноября

Нет, не пришлось нам пожить в Ярославле. Едем на фронт! На днях прошло собрание партийного актива нашей дивизии. С докладом выступил командир дивизии Чернышев.

Главное внимание уделял вопросам подготовки бойцов к боевым действиям. Выступили на активе также комиссар дивизии Новоджилов, начальник политотдела Ефанов, секретарь парткомиссии Богданов и другие товарищи. Все говорили о готовности бойцов и командиров к выполнению боевых задач.

Завтра начинается погрузка в эшелоны. Опять! Только что разгрузились, и снова. Но теперь-то уж наверняка не куда-нибудь, а обязательно на фронт. Гадаем только – под Москву или под Ленинград.

30 ноября

Сегодня проходил по заснеженным улицам города. Остановился у театра имени Волкова. Вспомнил, как ходил в Свердловске с Верой в драматический театр оперы, в театр музыкальной комедии. Неплохие всё же в Свердловске театры, а театр музыкальной комедии мне нравился не меньше, чем Московский театр оперетты. Особенно хороши артисты Дыбчо, Маревич, Емельянова, Виск....

Да, придётся ли теперь когда-либо бывать в театрах.

1 декабря

Сегодняшний номер нашей газеты вышел с переподовой «Родина зовёт». Начинается она так: «То, что было нашей заветной мечтой – становится фактом. Мы едем на фронт...»

Дальше следовал призыв:

«...Воин Красной армии! Крепче сжимай в руках винтовку!

Бей фашистов без промаха, без сожаления. Бей их до полного и окончательного уничтожения. Бей их везде и всюду. Никакой пощады грабителям, ввергнувшим народы Европы и Советского Союза в кровопролитную войну!

В суровых боях завоюем почетное звание гвардейцев. Наша часть должна быть и будет гвардейской!»

Был в подразделениях. У народа какое-то приподнятое настроение.

2 декабря

Едем на фронт. Проезжаем какие-то подмосковные места. Смотрю, и не узнаю. Часто прямо около железнодорожных путей зияют воронки от авиабомб. На крышах вагонов бесценно дежурят наши зенитчики.

Ночью разгрузились на какой-то маленькой станции или полустанке, а может даже разъезде. Сразу же отводят нас в лес. Приказано соблюдать осторожную маскировку. Даже курить не разрешалось. Курили, спрятав папиросу в руку. Где-то недалеко гудели самолёты, где-то в дали слышались редкие, разрывы снарядов.

Чувствовали, что теперь фронт недалеко. Нас раз-

грузили где-то в районе канала «Москва-Волга». Узнали, что входим в состав 30-ой армии Калининского фронта, что командующий армией генерал-лейтенант Лелюшенко.

Что-то знакомая фамилия. Кажется, прославился во время финской кампании.

3 декабря

Бойцы получают оружие. Наконец-то! Вооружают стрелков винтовками, пулемётами ручными и станковыми, часть получают самозарядные винтовки.

Наша редакция разместилась в домике. Мужчин в доме нет, только женщины – колхозница и её дочери. С тревогой спрашивают – не придёт ли сюда, к ним, немец. Знают, что он совсем недалеко.

– Не бойся, мамаша, раз приехали сюда, к вам, мы, уральцы, то никакие немцы теперь сюда не придут! – успокаивает старушку наш печатник Быков. Он большой любитель порисоваться и перед дочерьми колхозницы – молодыми девами – старается показаться героем.

Получили оружие и мы. Я винтовку, Харьков наган, Якубенко получил трофейный «Кольт» в деревянной кобуре. Гордится, видно, что доволен. Можаяев и наборщики оружия пока не получили, так как его всё же недостаёт.

Готовим очередной номер газеты. В газету даём передовую «Завоюем почётное звание советской гвардии». Пишет её сам редактор. Набрали её цицером, но так как светлого цицера не хватило, то кое-где некоторые буквы набраны чёрным. Но ничего. Главное содержание. А содержание неплохое. Правда, написана она в порядке призывов. Но сейчас как раз и призывы нужны.

Думаем над шапкой первой полосы. Решено дать та-

кую: «В боях за свою и любимую Родину будем бесстрашными и мужественными! Заставим трепетать гитлеровскую орду перед нашими боевыми знамёнами!»

Полки уже вышли на исходные позиции куда-то вперёд.

5 декабря

С утра редактор ушел в политотдел дивизии. Пришёл только к вечеру. Радостный, возбуждённый.

– Ну, орлы (в минуту хорошего настроения он всегда называл всех нас орлами) завтра, а вернее сегодня ночью, дивизия наша наступает в бой. Я тоже иду в бой с тридцать первым полком...

Мы сразу же как-то даже опешили от неожиданности.

Правда, нам уже и до этого Якубенко не раз говорил, что он обязательно сам побывает в бою. Говорил, что из нас каждый должен тоже побывать. Он говорил, что надо пройти на войне «и дым, и огонь, и медные трубы», был настроен так, что «иль голова в кустах, иль грудь в орденах», но мы никак не ожидали, что сразу же, в первый же день он сам пойдёт в бой. Думали, что пошлёт кого-либо из нас.

– А почему вы пойдёте сразу же с полком? – как-то не решительно спросил секретарь редакции Можаяев.

– А почему мне не пойти, – засмеялся Якубенко. – Правда, начальник политотдела противился было сначала, не хотел мне дать разрешение. Но я так убедил его, что он, в конце концов, махнул рукой и сказал – ладно, иди!

Весь этот вечер Якубенко был в каком-то возбуждённом состоянии. Он шутил, смеялся, обещал нам обязательно принести с поля боя какие-нибудь трофеи.

– Ну, а если уж не трофеев, то материалаец принесу

Правда, нам уже и до этого Якубенко не раз говорил, что он обязательно сам лично побывает в бою. Говорил, что и из нас каждый должен тоже побывать. Он говорил, что надо пройти на войне "и дым, и огонь, и медные трубы", был настроен так, что "иль голова в кустах, иль грудь в крестах", но мы никак не ожидали, что сразу же, в первый же день он сам пойдет в бой. Думали, что пошлет кого либо из нас.

- А почему вы пойдете сразу же с полком? - как то нерешительно спросил секретарь редакции Можаев.

- А почему мне не пойти, - засмеялся Якубенко. - Правда, начальник политотдела протвинулся было сначала, не хотел мне дать разрешение. Но я так убедил его, что он в конце концов махнул рукой и сказал - ладно, иди!

Весь этот вечер Якубенко был в каком то возбужденном состоянии. Он шутил, смеялся, обещал нам обязательно принести с поля боя какие нибудь трофеи.

- Ну, а если уж не трофеи, то материалаец принесу что надо! И снимки может сделаю настоящие, прямо на поле боя...

Потом мы спланировали следующий номер. Якубенко взял на себя материалы о героях и подвигах, Харьковцу поручено было подготовить материалы о воинах, вступивших перед боем в партию. Мне - об опыте бывалых воинов.

Часов в двенадцать ночи Якубенко ушел в полк.

6 декабря

Началось! Рано утром нас разбудила артиллерийская канонада. С рассветом в небе появились самолеты. Впервые увидели фашистские мессера.

Каждого из нас тревожила мысль - как то там, на переднем крае? Но судя по тому, что стрельба уходила все дальше и дальше, думали, что наступление началось успешно.

И не ошиблись. Зашел к нам работник политотдела старший по лифрук Шуховцев. Сообщил, что наша дивизия уже заняла несколько населенных пунктов, что штаб дивизии уже снялся вперед, что снимается и политотдел. Дал указание Харьковцу, чтобы на завтра утром тоже были готовы к переезду на новое место.

- А как мы будем переезжать, редактора еще нет, средств передвижения нет...

- Подойдет к вам машина из автороты. А редактор к вечеру, и небось явится, - ответил Шуховцев.

что надо! И снимки, может, сделаю настоящие, прямо на поле боя.

Потом мы спланировали следующий номер. Якубенко взял на себя материал о героях и подвигах, Харьковцу поручено было подготовить материал о воинах, вступивших перед боем в партию. Мне – об опыте бывалых воинов.

Часов в двенадцать ночи Якубенко ушёл в полк.

6 декабря

Началось! Рано утром нас разбудила артиллерийская канонада. С рассветом в небе появились самолёты. Впервые увидели фашистские мессера.

Каждого из нас тревожила мысль – как-то там, на переднем крае? Но судя потому, что стрельба уходила всё дальше и дальше, думали, что наступление началось успешно.

И не ошиблись. Зашёл к нам работник политотдела старший политрук Шуховцев.

Сообщил, что наша дивизия уже заняла несколько населённых пунктов, что штаб дивизии уже снялся вперёд, что снимается и политотдел. Дал указание Харьковцу, чтобы на завтра утром тоже были готовы к переезду на новое место.

– А как мы будем переезжать, редактора ещё нет, средств передвижения нет...

– Подойдёт к нам машина из автороты. А редактор к вечеру, небось, явится, – ответил Шуховцев.

7 декабря

К вечеру подошла к нам автомашина из автороты. Погрузились и переехали в указанную нам деревушку. Редактора так и нет. Всё больше и больше вселяется уверенность, что он уже не вернётся.

8 декабря

Утром зашёл к нам в редакцию начальник политотдела. За эти дни он как то сразу осунулся. К нам приехал на санках. По виду начальника определили, что с Якубенко что-то случилось. Спросил, готовим ли газету. Харьков ответил, что готовим, ожидаем редактора.

– Редактор ваш не придёт, – тихо и как то жестко сказал начальник. – Война есть война. Без жертв она не бывает...

Мы стояли молча, подавленные. А начальник политотдела продолжал:

– Газету будешь подписывать пока ты, товарищ Харьков. Думаю, вдвоём с Можаявым вы пока тут управитесь. Жилмостных я сейчас возьму с собой, оставлю в полку. Там он пойдёт в батальоны, в роты, взводы, оттуда будет присылать материалы для газет...

Мои сборы были недолги. Взял котелок, ложку, свой вещмешок с парой белья, противогаз, винтовку...

10 декабря

В полк с начальником политотдела не попали. Завёз он меня в политотдел. Из политотдела вместе с работником политотдела политруком Лашовым, начальником клуба Оссовским, членом агитбригады красноармейцем Кляузовым направили нас в 29 полк. Он был где-то в районе Клинского совхоза, вёл там бой.

Итак – начинается боевая жизнь.

Едва вышли за деревню, где стоял политотдел, в поле, как начали встречаться следы недавнего боя. То тут, то там, в снегу валялись трупы. Больше наших. Лежали они в разных позах, в шинелях, в шапках-ушанках, припорошенные белым снегом.

Удивительное дело. Я почему-то всегда боялся

мертвецов, когда встречал похоронную процессию, то обязательно старался свернуть куда-либо в сторону.

Сейчас же мертвецы на поле боя не внушали у меня никакого страха. В голову лезла мысль – сразу же были они убиты, или же пришлось перед смертью мучиться. И думал – если придётся быть убитым, то хорошо бы сразу, чтобы не мучиться. Самое страшное – перед смертью мучиться, а ещё хуже остаться калекой....

По дороге в совхоз произошёл инцидент.

Я нашёл немецкую каску и решил, что она может спасти мою голову от пули. Недолго думая надел её прямо на шапку.

Неожиданно из-за леса вылетели два немецких самолёта. Низко пролетев над дорогой, они выпустили несколько пулемётных очередей. Мы быстро с дороги побросались в разные стороны. Я заскочил в кусты и брякнулся на снег.

Под вражеским самолётом пришлось быть впервые. Видел, как недалеко от меня на снегу вздымались султанчики снега. Казалось, вот-вот тебя пронизжет пуля...

Но всё обошлось благополучно. Самолёты пролетели. Я поднялся из снега и отряхиваясь, прямо через кусты начал выходить на дорогу.

И вдруг – перед самым лицом дуло винтовки и громкое матерщинное ругательство.

Ах ты, такой сякой! Ведь я ж тебя чуть не хлопнул. Ещё бы секунда и отправился бы на тот свет! – громко ругался боец.

Я не понимал в чём дело. Но боец вдруг рванул у меня с головы каску и со злостью бросил её на снег.

– Нашёл во что обрядить свою дурацкую башку, напялил поганую немецкую каску! Пустил бы пулю знал бы, как тебя сохранит эта каска.

Так вон он что! Боец в кустах увидел на голове моей каску, принял было меня за немца и хотел уже выстре-

лить, но по шинели всё же определил, что это один «из иванов», и удержался.

Да, так вот на войне другой раз можно погибнуть ни за что! Теперь буду умён, ни за что не надену ничего немецкого на себя.

Штаб полка нашли в лесу, в небольшом домике. Даже точно не узнал, то ли это был совхозный дом, то ли другой какой. Мы попали в момент, когда полк вёл бой. Недалеко слышались пулемётные очереди, винтовочные выстрелы, трескотня автоматов. Командир полка майор Штырлин находился в домике. Тут же было ещё несколько командиров, бойцов. Увидел среди них знакомого мне по Чебаркулю младшего лейтенанта Мишу Кац. Он был у командира полка адъютантом. Переговорил с ним. Спросил – хотим ли кушать. Сказал, что да. Он быстро куда-то вышел и через минуту перед нами был уже котелок пшенной каши.

Я немного времени на фронте, а уже убеждаюсь, что еда тут главное. Покушали и сразу же настроение стало другим. И хоть где-то совсем недалеко шла стрельба, страха не было. Сразу же начал организовывать материал для газеты. Беседую с сержантами, солдатами, уже побывшими в бою.

К вечеру к домику, где находился штаб полка, а так же и батальонов, просочились немецкие автоматчики. Завязалась перестрелка. Но наши автоматчики быстро их отогнали.

Полк ведет бой под деревней Воронино. Из поступающих с переднего края сведений, а сведения поступают от раненых, гитлеровцы сильно сопротивляются, сильный огонь ведут они из превращенных в доты танков.

Да, немного мы воюем, а потери ужасные. Уж многих знакомых по Чебаркулю бойцов и командиров убило, ранило.

Вечером командир полка майор Штырлин получил

приказ сняться с полком и переброситься на другой участок. А через полчаса полк уже двигался по заснеженной дороге. Впереди командир полка выслал нескольких бойцов во главе с лейтенантом Домашевичем. Они должны были разведывать дорогу. Но получилось, что полк вдруг сбился с пути. Поднялась сильная поземка. И досталось же тут Домашевичу! Как его только майор Штырлин не обзывал. Мне даже стало жаль лейтенанта. Ведь он же был не глупый командир, в полку он командовал комендантской ротой. И как это он мог сбиться?!

Все же дорога была найдена. К условленному времени полк прибыл на место назначения. Оказалось его отвели немного в тыл. Тут же недалеко и деревня, где был расположен политотдел. Мы решили пойти в политотдел. Кстати, надо было мне передавать материалы, которые организовал для газеты. Где сейчас редакция – не знал.

12 декабря

Нас, четверых, опять Осовского, Лапова, Кляузова и меня начальник политотдела направил в 1231 полк.

«Что вы там будете делать», – скажет комиссар полка старший политрук Милютин.

Уточнив примерно, где должен находиться полк, мы отправились. Вышли за деревню. Знакомая уже картина. То там, то там в снегу чернеют трупы. Встречаются изредка и немецкие трупы, но больше наших, в серых шинелях. Прошли поле, вошли в лес. На опушке леса оставленные гитлеровцами позиции. Их определяем по протянутым на земле телефонным проводам. У гитлеровцев неплохо поставлена связь.

Везде и всюду находим протянутые по снегу, по деревьям красные и синие провода. Кое-где встречается толстый многожильный кабель.

Полк мы нашли в лесу. Под соснами и елями, словно муравьи копошились люди. Бойцы были заняты кто чем. Одни чистили оружие, другие, примостились на пеньке, писали письма, третьи спешили куда-то с котелками.

У первого попавшего навстречу лейтенанта спросили, где разыскать комиссара полка старшего политрука Милютина.

– А вон он, видите на полянке, – и офицер показал рукой вперед.

Мы прошли на полянку. Старший политрук Милютин что-то объяснял стоявшим вокруг него бойцам.

Потом подошли к нему мы. Представились. Спросили, что нам в полку делать.

– Завтра, вернее сегодня ночью, первый батальон вступает в бой. Думаю, что самая нужная работа будет в этом батальоне. Давайте, пристраивайтесь к нему...

«Вот те, бабушка и Юрьев день!» – подумал я. Только что пришли в полк и сразу же в бой!

Но обжаловать некому. Да и что обжаловать? Ведь мы же на войне.

Пошли в батальон. Вернее, ходить далеко не пришлось. Бойцы батальона были тут же в лесу. Они чистили оружие, подгоняли, как говорится, амуницию, готовились к бою. Некоторые бойцы делали себе из ветвей сосен и елей небольшие шалашики. Перед боем думали немного поспать.

Мы шалашика делать не стали. Просто набросали на снег еловых веток и рядом завалились на приготовленное ложе.

Но я ни на минутку не заснул. То и дело вставал и начинал прохаживаться. Боялся отморозить ноги. Я был в сапогах. Правда, сапоги были яловые, и довольно просторные. Они мне достались в наследство от погибшего нашего редактора Ивана Якубенко.

Итак, проведена первая ночь перед боем. А ранним утром, когда еще не брезжил даже рассвет, на полянке выстроились несколько бойцов в белых маскахалатах. Тут же, с ними был и командир полка, полковник Решетов, был и комиссар полка Милютин. Мы тоже подошли. Спросили комиссара, что за бойцы выстроились. Он ответил, что это разведчики. Сейчас они пойдут в разведку, а с ними вместе идет и он вместе с командиром полка.

– А нельзя ли нам тоже присоединиться к вам? – спросил Осовский.

– Я не возражаю. Только спросите батю (комиссар имел ввиду командира полка. Решетова в полку звали батей).

Мы уполномочили Осовского пойти к Решетову. Тот подошел. Спросил, можно ли будет нам, четверым, присоединиться к разведчикам.

– Что-ж, присоединяйтесь, – запросто ответил полковник Решетов.

Через несколько минут мы, группа человек в пятнадцать – двадцать шли по лесной просеке. Куда – я не знал. Не знали и мои товарищи. Но знали, что идем на разведку. С нами шли командир полка и комиссар. Поэтому было не страшно. Да и какой мог быть страх. Мы шли по прекрасному в своей красоте зимнему лесу. Стояла тишина. На деревьях повис пушистый иней. И казалось, нет никакой войны, что война – это только сон, а сейчас – просто приятная утренняя прогулка.

Прямо скажу, несмотря на то, что ночь я почти не сомкнул глаз, чувствовал себя как-то бодро, настроение было прекрасное.

Так шли мы по лесу с полчаса, может быть и больше. Начинало светать. По всем признакам, скоро лес должен был кончиться. Впереди, сквозь дымку тумана, проглядывалось чистое поле.

И вдруг тишину прорезала дробь пулеметов, автоматов. Перед нами, прорезая предутренний туман, замелькали огненные трассы.

Я видел впервые, как выглядят в полете трассирующие пули. Но наблюдать долго не пришлось. Вся наша группа быстро рассыпалась. Часть бойцов бросилась в небольшой кювет, у проходившей в лесу дороги.

Поняли, что немцы обнаружили нас и открыли огонь. Но откуда, как – этого мы не понимали.

Из леса раздался стон раненого. Я оглянулся. Увидел, как опираясь на Осовского, шел боец. Они быстро скрылись. А мы продолжали лежать. Над нами свистели пули, они ложились совсем рядом, вздымая снег.

– Ну, конец! – почему то подумалось мне. – Попали мы в ловушку. Сейчас зайдут немцы с тыла и перебьют нас или же заберут в плен.

Посмотрел на лежавшего рядом Лапова. Он так же, как и я, выставил винтовку перед собой. Лицо его было красно и выражало не то, что испуг, а какую-то растерянность.

Я ожидал, что вот-вот появится враг. Винтовка на изготове. Глаза напряженно вглядываются в кустарник, утопающий в дымке.

И вдруг, неожиданно, из кустарника появляется фигура, раздается выстрел.

Хотел стрелять. Но вижу, что это не немец. Ко мне в ровик вваливается тоже весь красный от напряжения не кто иной, как Вася Кляузов.

Оказывается, когда немцы открыли огонь, он сразу же залег в кустах, а теперь решил ближе перебраться к своим. В кустах зацепил затвором винтовки и винтовка выстрелила.

Теперь нам обоим было и смешно, и, как говорится – не до смеха. Немцы еще продолжали стрелять.

Но постепенно огонь замолк. Мы начали выби-

раться из ровика. Теперь уже совсем было светло, туман рассеялся. Едва только вошли в лес, как встретили своих. Оказывается Решетов и Милютин уже подтянули батальон на исходный рубеж. Бойцы готовились к наступлению. Занимали свои огненные рубежи пулеметчики. Командир батальона – капитан, фамилию его так и не узнал, давал последние указания командирам рот.

Тут же были и мы с Клязузовым. Лапов и Осовский куда-то отошли.

– Что будем делать? – такой вопрос мы задали друг другу. И не знали. Знали одно – сейчас батальон пойдет в атаку. Ему поставлена задача овладеть деревней Шевелево. Что за деревня, где она – не знали. Но предполагали, что едва только выйдем из леса и где-то тут недалеко и эта деревня.

Раздумывать долго не пришлось. Батальон пошел в наступление. И сразу же поднялась пальба. Били наши пулеметы, отвечали вражеские. Я находился где то недалеко от опушки леса. Видел, как тут же на опушке то туда, то сюда в своей белой длинной трофейной шубе перебегал полковник Решетов. Он что-то кричал, отдавая какие-то команды, распоряжения. А огонь усиливался с каждой минутой. По лесу свистели с противным свистом пули, цокались о стволы. Падали убитые и раненые. Где-то впереди раздался было крик – «Ура!» и быстро замолк. Теперь слышались крики раненых. Ругательства. И пальба. Откуда и кто стрелял разобраться было трудно. Казалось, бьют со всех сторон. И все больше и больше неслись крики раненых. Мы с Клязузовым решили было помогать раненым уходить в тыл. Но встретил нас то ли майор, то ли капитан, обругал матом, пригрозил пристрелить и приказал идти вперед. И мы, бросив раненых, снова пошли вперед...

Но идти-то было некуда. Уже всем было ясно, что атака захлебнулась. Большинство вышедших из леса

были скошены пулеметным и автоматным огнем. Преимущество огневое врага было очевидным. Да это было теперь ясно каждому. У нас – винтовки, да и то не на каждого бойца, а там пулеметы, автоматы.

В лесу была масса наших раненых. Многие истекали кровью, замерзали. Неслись истошные крики о помощи:

– Братцы, спасите, не дайте умереть!

– Братцы, пристрелите меня...

– Помогите!

Эвакуация раненых в том бою была не организована. Те, кто еще мог кое-как двигаться сам – шли и ползли по лесу в тыл. Где-то в лесу была полковая санчасть, а там дальше медсанбат. Но они не имели достаточных средств, чтобы вывозить раненых. И многие в том лесу замерзали...

К вечеру огонь утих. Мы собирали винтовки и складывали их в одно место. Полк значительно поредел. Командир полка был расстроен. Понести такие потери и ничего не добиться! Это было ужасно. И тогда я понял, что воевать мы еще не умели. Думал – как же это так – на своей собственной территории и тыркаться как слепым. А то, что мы тыркались я понял. Не могли мы найти в обороне врага уязвимого места, лезли на пролом. И вот результат.

Когда уже темнело, привезли еду. У меня была кружка, котелок. В котелок привезший кашу наложил мне почти полный гречневой каши, а в кружку налил больше половины спирта. Сразу же выпил спирт. С утра во рту не было крошки, нервы были напряжены до предела. И почувствовал, что сразу как-то стало тепло, по всему телу разлилась какая-то приятная теплота. С большим аппетитом смолотили с Клязузовым кашу. А в голове одно – как же дать материал в газету. Мне все же удалось переговорить с двумя-тремя бойцами, с сержантом, уз-

нать, как действовали отдельные бойцы. А где написать, как передать материал?

Подошел к старшему политруку Милютину. Сказал, что мне надо где-то пристроиться, чтобы написать для газеты.

– Это уж как сам знаешь, тут я ничего не могу сделать, – ответил комиссар полка.

У возницы, который привез еду, узнал, что километрах в четырех – пяти отсюда есть небольшая деревушка, где стоят полковые тылы. Я сказал, что мне надо сделать материал для газеты и попросил, чтобы взяли меня с собой. Согласились. Но едва только я присел на краешке саней, как возница взмахнул кнутом, лошадь резко дернула, и я сразу же вывалился с саней в снег. Закричал, чтобы возница остановился. Где там! Через минуту сани скрылись в лесной мгле.

Решил идти по следу санному пешком. Иду. Ко мне пристраивается еще боец. Хромает. Говорит, что немного ранило в ногу. Что-ж вдвоем идти веселее. Идем. Кругом лес. Где-то полыхает зарево. То тут, то там – пулеметные очереди. А мы идем.

И вдруг, прямо перед нами вырастают две фигуры.

– А вы куда! И сильнейший русский мат.

Смотрю, человек в фуфайке, уже скинул с плеча немецкий автомат.

Думаю – ну конец! В человеке этом я узнал уполномоченного особого отдела. А второй – комиссар дивизии, старший батальонный комиссар Новожилов.

И тот, и другой были заметно «на взводе».

Но вдруг на меня напало какое-то спокойствие.

– Товарищ батальонный комиссар, я иду с материалом для газеты, а вместе со мной идет раненный боец...

– А раненный! Вот мы сейчас покажем как с передовой удирать...

И опять мат.

Но потом, наверное, что-то прояснилось в голове комиссара. Меня то он уже знал по газете. Может быть, ему не захотелось терять газетчика, может что-то другое, но вдруг он резко и отрывисто произнес:

– Ну ты иди, делай газету, а ты с нами...

Комиссар с уполномоченным СМЕРШа пошли вперед, захватив с собой бойца, а я пошел своим путем...

Шел один. Над головой висели лохматые сучья деревьев. Где-то ухали орудия. На западе просвечивало сквозь стволы деревьев зарево.

А я шел и думал: от одной смерти отделался. А надолго ли?

Теперь своими глазами я увидел, что такое война.

Ночью пришел в какую-то небольшую деревушку, затерявшуюся в лесу.

Зашел в какой-то штаб. Доложилсся лейтенанту, что я из редакции и мне надо написать материалы для газеты.

– Что ж, пристройтесь где-нибудь тут, пишите.

Я сел прямо на полу, и на сумке от противогаза (в первые дни боев мы еще таскали с собой противогазы) написал несколько заметок.

Спросил лейтенанта, каким путем можно переправить их в редакцию.

– Сдайте на ПСД, он здесь рядом...

Я вышел. Нашел ПСД (пункт сбора донесений), отдал дежурному солдату свои заметки, завернув их предварительно в бумагу и надписав: «Срочно! Редакции газеты «Сталинец».

Теперь хотелось спать, спать и спать. Готов был свалиться прямо на снег.

Зашел в одну избу. Полным полно солдат. Кто сидит, кто лежит на полу. Протиснулся кое-как и, положив под голову противогаз, лег прямо на полу. И вдруг вы-

стрел, крики. Поднялся, не понимая в чем дело. А потом понял. На полу лежал боец. Лицо, шея были залиты кровью. В горле его что-то клокотало.

– Вот стерва, сам себя убить захотел! – злобно говорил кто-то.

– И не куда-нибудь, а прямо под подбородок дуло воткнул и выстрелил...

Раненого куда-то унесли.

Я лег снова и тут же заснул...

14 декабря

Утром, едва стало светать, я уже встал. Хоть и много пришлось пережить накануне, и спать пришлось в неахти каких хороших условиях, но чувствовал себя довольно бодро. Теперь надо возвращаться в полк. Каким путем?

Пошел по деревне. Увидел походную кухню. Бойцы уже получали еду. Подошел и я. Подставил котелок. Повар наложил каши. Поел. Тут же у старшего сержанта спросил, не поедет ли кто отсюда в полк тридцать первый.

– Не знаю, может кто и поедет. Да тут недалеко, можно и пешком дойти...

То, что недалеко я знал. Теперь днем-то туда было добраться легче. И я решил – не ожидая никакой оказии, отправиться в полк сейчас же.

Так и сделал. Винтовку за плечи и пошел. Тем же путем. Теперь тут уже была довольно набитая дорога.

Прошел километра три – смотрю – полковая санчасть. Зашел. Отсюда еще отправляли раненых во вчерашнем бою. Спросил у санинструктора где сейчас полк.

– А там же, где и вчера был. К вечеру опять наступать будет...

Перекурив, отправился дальше.

Полк действительно застал на том же самом месте,

где был вчера, на опушке леса. Но сейчас здесь было тихо. Командир полка полковник Решетов по-прежнему расхаживал в своей белой, длинной трофейной бекеше и отдавал какие-то указания.

У Милютина узнал, что сейчас в Шевелево отправится разведка, а затем снова наступление.

– А не ушли немцы из Шевелево, что-то тихо? – спросил я.

Да вот разведка покажет, – уклончиво ответил старший политрук.

От полка теперь осталось людей не так уж много. Первый батальон почти полностью вчера погиб. И теперь Решетов примерялся, как бы с меньшими потерями прорваться в Клин. Такая задача стояла перед полком. В Шевелево он направил разведчиков и теперь ждал результатов.

А день уходил. И все было пока спокойно. Не дождавшись еще разведчиков, Решетов направил группу бойцов несколько правее Шевелево.

Бойцы ушли. И по-прежнему было тихо.

Тогда Решетов собрал комендантский взвод и пошел сам по направлению к деревне Белавино. Вместе с ними пошел и я.

Вышли из леса. В лучах заходящего солнца перед нами несколько левее виднелась деревушка Шевелево. Оттуда вчера немцы вели ураганный огонь. На белом снегу виднелись трупы наших бойцов. Я шел и думал: – вот сейчас снова полоснут по нас из пулемета...

Но стояла тишина. Только где-то левее, по-видимому уже на окраине Клина, изредка раздавались пулеметные и автоматные очереди, да ухали разрывы мин...

Вечером мы зашли в одну избу деревни Белавино. Решетов уже получил донесение, что посланная им группа вела бой на окраине Клина и теперь уже, наверное, вошла в Клин.

В избе, куда мы зашли, нас приветливо встретила уже пожилая женщина. Она рассказала, как всю ночь по дороге шли немецкие машины, танки.

Как видно это немцы отходили из Солнечногорска. По-видимому и Шевелево они держали только лишь потому, чтобы дать возможность уйти своим. Это стало ясно несколько позже. А сейчас пока мы расположились в избе. Хозяйка быстро приготовила картошку, на столе появилась водка (не хозяйкина, конечно, а наша армейская). Решетов выпил, пригласил и меня. Теперь, несмотря на то, что перед войной я почти не пил, я выпивал с большой охотой. Перекусили, выпили и, не ожидая расвета, Решетов решил двигать в Клин.

Вышли из избы. Деревня Беладино находилась километрах трех от Клина. Туда вело прямое асфальтированное шоссе. И мы пошли прямо по этому шоссе. Где-то впереди по-прежнему раздавались пулеметные очереди, изредка ухали разрывы снарядов. Но мы шли без единого выстрела и скоро были уже на окарине Клина. В город вошли еще затемно. Шли по улице. Чувствовалось, что тут уже прокатилась война. Многие дома были разрушены, по городу стлался дым пожарища, пахло гарью, дымом.

Теперь у Решетова была забота – отыскать батальон, который он направил в Клин. Зашли в какой-то дом. Хозяин, уже пожилой мужчина, сразу же предупредил, чтобы мы не ложились на солому, которой был устлан пол.

– Вшей тут фрицы развели – не оберетесь потом!

И мы, несмотря на то, что после бессонной ночи устали и хотелось хоть немного вздремнуть, не ложились на эту солому.

Я присел и начал писать заметки для газеты. Теперь материал кое-какой у меня был. Некоторые бойцы сумели отличиться, кроме того решил написать о том, как

хозяйничали немцы в Клину. Благо, что хозяин квартиры, где мы находились, уже успел кое-что рассказать.

А Решетов беспокоился все больше и больше. Посланные им солдаты возвратились не найдя по близости батальона.

И только к вечеру узнали, что батальон пошел преследовать противника по направлению к Высоковску. Решетов собрал свой комендантский взвод и пошел по направлению на Высоковск. А я узнал, что политотдел уже приехал в Клин и остановился где-то на окраине. Решил отыскать политотдел, узнать насчет редакции, получить дальнейшие указания.

16 декабря

Политотдел я нашел довольно быстро. Узнал, что только что приехали сюда корреспонденты из армейской газеты и приехало Московское радио. Заместитель начальника политотдела батальонный комиссар..., встретив меня, сказал, что возможно мне придется выступать по радио, так как приехавшие хотели, чтобы выступил непосредственный участник боев за Клин и обязательно из рядовых бойцов. А я был как раз рядовым бойцом.

Пока же я продолжал писать, выписываться всем, что только у меня было. Тут же написал по просьбе корреспондентов армейской газеты корреспонденцию для их газеты. В ней рассказывал о зверстве гитлеровцев, а со зверствами этими уже пришлось встретиться и в совхозе Клинский, где гитлеровцы заживо сожгли двух советских людей, и в самом Клину, где они разграбили и запаковали святыню русского народа – музей П.И. Чайковского. Выступить по радио мне все же не пришлось. В последнюю минуту работники радио вдруг передумали и дали выступать самому заместителю начальника политотдела. А мне было приказано отправляться снова в полки. Теперь они были где-то под Высоковском.

За эти пять дней произошло много событий. У нас в редакции уже новый редактор – старший политрук Андрей Иванович Пилипенко. До этого он работал в армейской газете, а до войны – в редакции газеты «Известия».

Но это я уже узнал потом.

А сейчас по порядку, что произошло за эти дни.

Из Клина я попал в какой-то полк, кажется 29. Ночью, в какой-то избе заменил свою винтовку. Ту, которая была у меня, я подобрал из кучи подобранных винтовок после боя у деревни Шевелево. Но у нее что-то плохо работал затвор, не всегда выбрасывал патроны. И я решил ее при первой возможности заменить. И вот заменил. Теперь винтовка работала хорошо.

Ночью полку было приказано сняться и перейти куда-то в другое место. Поднялись все по тревоге. Ржали кони, слышался приглушенный голос солдат. Выстраивались и уходили куда-то в белесую мглу ночи. Мела поземка. Мороз был градусов под тридцать. Я шел вместе с другими по дороге. Ноги вязли в снегу, идти было тяжело.

Казалось, вот, вот выбьюсь из сил и упаду. Думал – как бы хорошо сейчас пристроится к кому-нибудь на сани. Несколько раз пытался, но ни чего не выходило. Возницы грубо приказывали слезть.

Но вот впрыгнул на ходу в сани. Сидевший командир спросил, кто я. Ответил, что из газеты.

– Что, тяжело идти?

– Из сил выбился, – чистосердечно признался я.

– Ну ладно, поедешь с нами.

Как благодарен был я тогда этому командиру, проявившему человеческую чуткость. Знаю, что упал бы где-нибудь тогда и замерз бы.

Но на санках было хорошо. Кое-где ехали шагом, где впритруску. Обгоняли медленно двигавшиеся коло-

ны бойцов. Въехали в какой-то лес. Проехали несколько лесом. Впереди все явственней и явственней слышалась трескотня пулеметов. Ехали к переднему краю.

Ночью остановились у каких-то домов. Это был лесной кордон, тут жили лесничие. Незадолго до нас ушли отсюда немцы. Теперь помещения до отказа набили наши бойцы. Тут же на полу вповалку спали. Я зашел и тоже, кое как выбрав местечко, завалился и тут же заснул. А потом еле вылез. На меня прямо сверху тоже ложились бойцы. В общем, спали не только вповалку, а друг на друге.

Утром я вышел по надобности на улицу. Чувствую, что все тело чешется. Расстегнул брюки, посмотрел за пояс подштанников. И о, ужас!

Там было полно вшей. Я тут же поспешно стал их смахивать их прямо в снег. Где уж там бить! Просто смахивать. И думал: – не даром же мне отец рассказывал, как их во время империалистической вши на фронте ели. Вот так и нас теперь заедят!

Да и в самом деле. В бане был только в Ярославе. А теперь вот уже месяц и не мыт, и не брит. Лицо мое заросло щетиной. Сам, наверное, как и все, был грязен. А сегодня поспали в доме лесника, где спали фрицы, на том же полу, на той же соломе. Вот и набрался вшей.

Все их я конечно не вытряхнул. Но много нашмыгал на снег. Видел, что и другие бойцы отряхивались от этих вшей. Матюкались. Кляли на чем свет стоит вшивых фрицев. Но что поделаешь?!

Утром двинулись дальше. Слышал, что наша дивизия бьется за какой-то населенный пункт Келья. Гитлеровцы оказывали упорное сопротивление. Дивизия несла большие потери.

У небольшого лесочка пришлось мне наблюдать такую картину. На снегу стояли наши артиллеристы и вели огонь. Позиция ничем не замаскированная и не защищенная. Можно было ожидать, что гитлеровцы

вот-вот откроют ответный огонь и накроют наших артиллеристов. И вот в это время ехал командир дивизии генерал майор Чернышов. Когда увидел артиллеристов, то остановился, слез с саней и путаясь в длинной, не по росту бекеше (тоже кажется трофейная) полез по снегу к артиллеристам. Ехавшие с ним, по-видимому адъютант и еще кто-то, пытались урезонить генерала, остановить его. Но генерал был, как видно, подвыпивши. Он ругался, матерился, и вырывался от державших его командиров.

Посмотрел я тогда эту картину и как-то сразу авторитет командира дивизии в моих глазах упал. Думал – и ему доверено командовать дивизией, распоряжаться тысячами человеческих жизней...

В эти дни произошло еще одно событие. В одной деревушке меня встретил начальник политотдела, теперь уже батальонный комиссар, Ефанов.

– А вы мне как раз и нужны, товарищ Жилмостных (он всегда называл меня товарищ Жилмостных. Мы как-то разговорились с ним и оказалось, что также как и я, он в свое время учился в Курской совпартшколе). И продолжал: – в деревне, и он назвал деревню, наши бойцы обнаружили сожженные трупы наших военнопленных. Надо вам пойти туда, сделать снимки и негативы или же просто пленку мы pošлем в политотдел армии. Такие снимки сейчас очень нужны...

Приказ есть приказ. Я тотчас же отправился в указанную начальником деревню. Пришел туда во второй половине дня. Еще совсем недавно за эту деревню шел горячий бой, и сейчас на окраине деревни орудовала наша похоронная и трофейная команда. Убитых стаскивали в один штабель (в полном смысле штабель. Здесь сложены были сотни трупов). С убитых стаскивали валенки (такой был приказ). Если валенки не стаскивались, то им разрезали голенище и все же силком

срывали. Трупы сложены были у огромной воронки от тысячекилограммовой бомбы. В эту воронку должны были свалить трупы и закопать. А пока тут же бойцы между делом варили в котелках конину (конина уже в те первые дни боев под Москвой нашла признание солдат). Когда я подошел и сказал бойцам, что из редакции и мне нужно сфотографировать сожженные трупы, то один из бойцов ответил:

– А эти сожженные вот там около того пепелища. Мы их отдельно сложили...

В это время подошел начальник трофейной команды техник интендант Иванков. Я его немного знал по Чебаркулю. Поздоровались. Объяснил ему цель прихода.

– О и звери! – начал Иванков – Не то, что звери, а хуже, взяли и живьем сожгли людей в сарае. Заперли сарай и подожгли. Трупов двадцать мы обгорелых оттуда вытащили...

Идем к трупам. Они сложены в ряд, один к другому. Скрюченные, обгоревшие. Смотреть страшно. Думаешь – как мучились эти люди, прежде чем погибнуть...

Своим стареньким Фэдом делаю несколько кадров с разных точек, с разной выдержкой. Занятие не из приятных. Но теперь, за эти несколько дней так привык к смертям, что особенного страха или чего-то другого не испытываю.

На другой день был я уже в Кельи. Деревня полностью сожжена. А по рассказам была она порядочная. За нее несколько дней длился ожесточенный бой. Теперь на пепелищах, еще теплых после пожаров, отогреваются бойцы. Ложатся и спят прямо на пепелищах.

В одной полуобгоревшей избе неожиданно встретил Харькова. Удивился. – А ты как сюда? – спрашиваю его.

Вижу лицо у Харькова злое, недовольное.

– А я специально пришел по приказанию редакто-

ра. Ты пойдешь в редакцию, а я буду здесь...

Тут же Харьков рассказал, в какой деревне находится редакция. От Кельи это было километров восемь. Сразу же, пока не стемнело, я отправился в путь. Дорога заснежена. То тут, то там разбитая вражеская техника. Трупы. И опять большинство наших солдат в серых шинелях. Дорога довольно пустынная. Изредка встречалась ползущая машина или сани, да одинокие бойцы.

К вечеру нашел редакцию. Она располагалась в избе. Представился новому редактору старшему политруку Пилипенко. Он принял меня просто, без всяких там военных ритуалов. Сразу же спросил, что я могу дать для очередного номера. Сказал, что могу. – Прекрасно, – говорит, а сейчас умойтесь, приведите себя в порядок, а то вид у вас неважнецкий...

Я уже давно не видел себя. Решил посмотреть. Попросил у наборщика Гриши Дымшакова зеркальце. Глянул. – Бог ты мой, на кого же я был похож! Глянул и не узнал. Весь в рыжей щетине, грязный.

Сейчас бы в баню! Но, увы, бани не было. Я кое-как побрился бритвой того же Дымшакова. Борода у меня была жесткая, грязная и бритва еле брила. Но все же выбрился. Пилипенко сказал:

– Ну вот, теперь совсем другое дело, на человека стал похож!

Перекусив немного имеющимися в редакции консервами, сразу же сел писать. Написал несколько замечток о боевых подвигах отдельных солдат и сержантов, а потом, в связи с награждением отдельных наших бойцов и командиров написал по заданию редактора общую статью «В боях за Родину» в которой рассказал об известных мне подвигах отдельных бойцов и командиров. А о подвигах многих я знал уже хорошо. О них мне рассказывали те, кто уцелел.

Да, а сколько за эти несколько дней боев погибло

тех, кого я уже знал хорошо! Погиб лейтенант Степан Божко. В лесу под Шевелево мы как-то шли вместе с ним. Высокий, рослый, красивый. Его в те дни, кажется, в Клину приняли кандидатом в члены КПСС. Назначен он был командиром батальона. И вот где-то под Кельи погиб. Погиб как герой. Бойцы рассказывали, что когда враг заставил всех залечь своим огнем в снегу, то Степан Божко поднялся и увлек за собой весь батальон. И в том бою он был смертельно ранен...

Да много было случаев героизма в эти дни. Вспоминаю бой под Воронино, под Малым Щапово. Сколько там полегло. И вот один из командиров с перебитой рукой зашел в избушку, где помещался штаб батальона. Начальник штаба старший лейтенант Семенов хорошо знал раненого. Тут же достал спирт, налил кружку и ему. Тот залпом выпил и тут же из избы и зашагал опять к передовой. Его останавливают, говорят, что сейчас придут из санбата и заберут его туда. Он ни в какую. Кричит – не уйду от своих товарищей, пойду в бой!

Может тут подействовал спирт? Может и это. Но, во всяком случае, люди рвались в бой.

В той же деревне, где стояла редакция, размещался и санбат.

Сюда без конца подвозили раненых. Многих тяжело. Жутко смотреть на страдания людей. Некоторые умоляли: – братишка пристрели, наберись мужества, не дай мне на век остаться несчастным калекой.

Другие: – все равно мне не жить, ради бога пристрелите...

Я всегда молил, что если что случится, то чтобы меня убило сразу. Боялся ранения и особенно когда отрывало руку, ногу, или в живот. Уж больно сильно мучились люди.

Итак, первый новый год на фронте.

И опять за эти последние дни произошли такие события, о которых нельзя не рассказывать.

Мы находимся на территории Лотошинского и Волоколамского районов. Здесь мне не раз пришлось бывать в командировках, хорошо знал многие колхозы, многих колхозников.

Сейчас не узнаю тех мест. Почти все села и деревни сожжены. Людей почти нет.

В одном селе, где я несколько раз бывал до войны, нет ни одного дома. Нам пришлось ютиться в какой-то риге, то ли сарае, и не где-то, а под каким-то подпольем. Лазали там в темноте. Не было ни у кого у нас фонарика. А забрались в это подполье потому, что немцы все время обстреливали село из артиллерии и минометов.

Но Новый год встретили все же в редакции. Перед самым Новым годом даже удалось помыться впервые на фронте. Мытье устроили прямо в избе, где стояли. Нагревали воду в печке в чугунах, и за занавеской отмывались. Хоть и не такая важная баня, но все же. А то совсем обовшивел. Хоть и менял белье, но вши так и не переводились.

Дивизия все время в боях. Начиная с первого дня наступления 6 декабря, мы идем с боями вперед. Потери огромные. Уже идут маршевые роты и батальоны. Уже многих из знакомых не стало. Война тяжелая. Мы как следует воевать не научились. Если продвигаемся вперед, то достается это ценой большой крови. Немцев убитых я пока видел мало, а своих... Жутко иногда смотреть на поле после боя. Все увалено трупами.

Но, не смотря на все ужасы, настроение у командиров и бойцов боевое. Смерти как-то уже никто не боится. В бой идут как на какую-то необходимую работу.

К мысли о смерти за это короткое время привык и я. Единственное чего боюсь – тяжелого ранения.

Пришлось мне проходить селом Кашино. Когда отмечалось пятидесятилетие со дня смерти Ленина, я был в этом селе, писал о кашинцах, которые засняты были на одном снимке вместе с Лениным и Крупской. Теперь я Кашино не узнал. Разбито, изуродовано. И никого из жителей.

Да, как все же ужасна война! Трудно было подумать, что так вот будет, что немцы заберутся так далеко. И как трудно их выбивать, каких сил и средств все это стоит. А главное – сколько человеческих жизней.

Убитые, убитые, убитые... А сколько покалеченных!

От Веры получил письмо. Наконец-то! Первое на фронте. Судя по письму и там, на Урале, дела неважные.

5 января

Отличился командир минометной роты Михаил Озеров. Вместе с четырьмя бойцами пробрался он ночью в деревню Чапаево. Устроили там пальбу, переположили немцев, нескольких убили (пишем что до 40, а там кто его знает сколько, кто их считал!) Но в общем ребята действовали храбро.

А за это Чапаево бои идут упорные и никак не возьмем.

Был я у Озерова. Стоят они в лесу сосновом. Где-то наверху разрываются мины, но минометчики живут в обычных палатках. Беседовал с Озеровым. Он пермяк, парень плотный, веселый и по всему видать бесшабашный и храбрый. С такими воевать можно.

КРУПНАЯ ПОБЕДА НАШИХ ВОЙСК

Смерть немецким оккупантам!

КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА

Вторник, 15 декабря 1941 года

ПРОВАЛ НЕМЕЦКОГО ПЛАНА ОКРУЖЕНИЯ И ВЗЯТИЯ МОСКВЫ

Поражение немецких войск на подступах Москвы

С 16 ноября 1941 года германские войска, развернувшись против Западного фронта 13 танковых, 32 пехотных и 5 мотопехотных дивизий начали второе генеральное наступление на Москву.

Противник имел целью, путем обхода и одновременного разбоя охвата флангов фронта, выйти нам в тыл и окружить и занять Москву. Он имел задачу занять Тулу, Кашину, Рязань и Коломну — из юге, далее занять Клин, Солнечногорск, Рогачев, Яхрому, Дмитров — на севере и потом удара в Москву с трех сторон и занять ее. Для этого были сформированы: против нашего правого фланга, на Калининском направлении — горстот-Дмитровском направлении, третья и четвертая танковые группы генералов Готт и Хюниера в составе 1-ой, 2-ой, 5-ой, 6-ой, 7-ой, 10-ой и 11-ой танковых дивизий, 36-й и 14-й мотопехотных дивизий, 23-й, 106-ой и 35-ой пехотных дивизий; против левого фланга — на Тульско-Кашинско-Рязанском направлении — вторая бронетанковая армия генерала Гудериана в составе 3-ей, 4-ой, 17-ой и 18-ой танковых дивизий, 10-ой и 29-ой мотопехотных дивизий, 167-й пехотной дивизии; против центра действовали 9-й, 7-ой, 20-й, 12-й, 13-й и 43-й армейские корпуса, 19-й и 20-й танковые дивизии противника.

До 6 декабря наши войска вели ожесточенные оборонительные бои, сдерживая наступление ударных фланговых группировок противника и отражая его вспомогательные удары из Истринском, Западном и Наро-Фоминском направлениях. В ходе этих боёв противник понес значительные потери. С 16 ноября по

6 декабря, по далеко не полным данным нашими войсками было уничтожено и захвачено, несчитая действий авиации: танков — 777, автомашин — 534, орудий — 178, минометов — 119, пулеметов — 224; потери противника убитыми — 55.170 человек.

6 декабря 1941 г. войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контр-наступление против его ударных фланговых группировок. В результате начатого наступления обе эти группировки разбиты и понесли отход, бросая технику, вооружение и неся огромные потери.

К исходу 11 декабря 1941 г. мы имели такую картину:

а) войска генерала Летошенко, сбивая 1-ю танковую, 14-ю и 36-ю мотопехотные дивизии противника и заняв Рогачев, окружили г. Клин;

б) войска генерала Кузнецова, захватив г. Яхрому, преследуют отходящие 6-ю, 7-ю танковые и 23-ю пехотную дивизии противника и вышли юго-западнее Клина;

в) войска генерала Власова, преследуя 2-ю танковую и 109-ю пехотную дивизии противника, заняли г. Солнечногорск;

г) войска генерала Рокоссовского, преследуя 5-ю, 10-ю и 41-ю танковые дивизии, дивизию «СС» и 35-ю пехотную дивизию противника, заняли г. Истра;

д) войска генерала Говорова провалили оборону 252-ой, 87-ой, 78-й и 267-ой пехотных дивизий против-

ника и заняли районы Кулебякино — Дюкони;

е) войска генерала Болдина, разбив северо-восточнее Тулы 3-ю, 4-ю танковые дивизии и полк «СС» («Великая Германия») противника, развивают наступление, тесня и охватывая 296-ю пехотную дивизию противника;

ж) 1 гвардейский кавалерийский корпус генерала Белова, последовательно разбил 17-ю танковую, 29-ю мотопехотную и 167 пехотную дивизии противника, преследует их остатки и занял города Венев и Сталиногорск;

з) войска генерала Годинова, отбрасывая на юго-запад части 18-ой танковой и 10-ой мотопехотной дивизии противника, заняли г. Михайлов и г. Ефимов.

После перехода в наступление с 6 по 10 декабря частями наших войск занято и освобождено от немцев свыше 400 населенных пунктов.

С 6 по 10 декабря захвачено танков — 386, автомашин — 4317, мотоциклов — 704, орудий — 305, минометов — 101, пулеметов — 515, автоматов — 546.

За этот же срок нашими войсками уничтожено, не считая действий авиации: танков — 271, автомашин — 565, орудий — 92, минометов — 119, пулеметов — 131.

Кроме того захвачено огромное количество другого вооружения, боеприпасов, обмундирования и разное имущество.

(Окончание в 2-й стр.)

Окончание сообщения Советинформбюро о провале немецкого плана окружения и взятия Москвы

го имущества. Немцы потеряли на поле боя за эти дни свыше 30.000 убитыми.

В итоге за время с 16 ноября по 10 декабря сего года захвачено и уничтожено, без учета действий авиации: танков — 1434, автомашин — 5416, орудий — 575, минометов — 339, пулеметов — 870. Потери немцев только по указанным выше армиям за это время составляют свыше 85.000 убитыми.

Сведения эти не полные и предварительные, так как нет пока возможности подсчитать, ввиду продолжающегося наступления, все тифы.

Германское информационное бюро цисло в начале декабря:

«Германское командование будет рассматривать Москву, как свою основную цель даже в том случае, если Сталин попытается перенести центр тяжести военных операций в другое место. Германские круги заявляют, что германские наступления на сторону большевиков продвинулись так далеко, что уже можно рассмотреть внутреннюю часть города Москвы через хороший бинокль».

Теперь уже несомненно, что этот хвастливый план окружения и взятия Москвы провалился с треском. Немцы здесь явным образом потерпели поражение.

Немцы жалуются на зиму и утверждают, что зима помешала им осуществить план занятия Москвы. Но, во-первых, настоящей зимы еще нет у нас под Москвой, ибо морозы достигают у нас не более 3—5 градусов. Во-вторых, жалобы на зиму означают, что немцы не позаботились снабдить свою армию теплыми обмундированием, хотя они на весь мир прокричали, что они давно уже готовы к зимней кампании. А не снабдили они свою армию зимним обмундированием по тому, что надеялись кончить войну до наступления зимы. Надежды немцев, как видно, не оправдались. Здесь был дущен немцами серьезный и опасный просчет. Но просчет в немецких планах ни как и нельзя объяснить зимними условиями кампании. Не зима тут виновата, а органический дефект в работе германского командования в области планирования войны.

СОВИНФОРМБЮРО.

Ночной бой

Перед нами была поставлена задача во что бы то ни стало захватить населенный пункт К., имеющий большое значение для дальнейшего наступления.

Фашисты на подступах к этому пункту выставили своих пулеметчиков и автоматчиков, которые тщательно окопались и замаскировались.

Несколько наших попыток овладеть пунктом днем не увенчались успехом. Под сильным огнем мы вынуждены были прижиматься к земле.

Решили атаковать оборонительный рубеж противника ночью.

Оставив небольшую группу бойцов для того, чтобы отвлекать внимание противника подразделениями зашли с фланга и повели наступление. Противник не ожидал нас с этой стороны. Беспорядочно отстреливаясь они в панике начали отступать из населенного пункта.

Насколько поспешно уходили фашисты говорит то, что они не успели угнать автомашину с уже заведенным мотором.

Поспешно отступившие фашисты оставили много трофеев в числе которых легковая автомашина, 15 мотоциклов, два орудия, много снарядов и патронов, автоматическое оружие и т. д.

Многие бойцы отличились в этом бою. Особенно отважно действовал красноармеец Петр Петрович Воробьев.

Вперед! Вперед! — слышался его голос и сам он шел первым, увлекая своим примером других.

Когда ранило командира роты лейтенанта Телятникова то боец Васильев тут же на поле боя сделал перевязку ему и правильно захваченной у фашистов подводе в санчасть

Зам. политрука
Н. ЧЕРМУШКИН.

Еще одно злодеяние

Когда наша часть заняла Клинский совхоз то в сожженном фашистами доме были обнаружены два обгоревших человеческих трупа.

По показаниям местных жителей фашистские изверги, уходя из совхоза привязали ветеринарного санитаря Андрея Капусткина и одного мужчину проживающего временно в совхозе к кроватям и затем подожгли дом.

Изверги доходят до того, что живыми сжигают советских граждан. Своей кровью бешеные собаки отвечают за это новое злодеяние

Красноармеец В. КАСЬЯНОВ

КРАСНОАРМЕЙСКИЙ ЮМОР

Лев и котенок

(БАСНЯ)

«Гитлер походит на Наполеона не больше, чем котенок на льва.» И. СТАЛИН.

Котенок жалкий, запыленный, Молниеносно утомленный
На лапки толстые пристав,
Хотел достичь Наполеона,
Но и до грибов не достал.

А Лев качает головой:
— Смешен, Котенок, облик твой!
Бывал и я в азарте диком
Но русский воин — только трень!
Шагал в сражении великом
Моя полков прервал огонь!
Я проходил Европу маршем,
Но люди русские сильные —
Мои солдаты черным фаршем
Легли у вод Березины!..
А ты, котенок, как ни хочешь,
Льва никогда не перескочишь!

Мих. ПУДЬМАН.

Зам. ответственного редактора
Н. К. ХАРЬКОВ.

Каждая мина — в цель

Приказом командования я, как командир минометного расчета, награжден знаком «Отличный минометчик».

Это обязывает нас стрелять еще метче, чтобы каждая мина ложилась точно в цель.

Уже после награждения, наш миномет нанес большой урон гитлеровцам. За последнее время мы уничтожили наблюдательный пункт врага, истребив при этом до десяти фашистов.

В другой раз наводчик т. Бельчиков и заряжающий т. Кухлин выпустили шесть мин по немцам, строивших оборонительное сооружение, и от «строителей» остались одни клочья.

В ответ на приказ товарища Сталина № 345, мы обещаем стрелять метко, что бы каждая мина наносила ущерб гитлеровским бандам.

Ст. сержант
Ф. Кнышев.

Хорошо подготовились к зиме

Младший командир — всегда с бойцами. Он больше, чем кто-либо, общается с бойцами, делит с ними радость и горе, знает их запросы.

Много поработали наши младшие командиры по подготовке к зиме. Землянки у нас хорошо

оборудованы, в них тепло и уютно.

Вначале находились такие бойцы, которые неохотно брались за оборудование землянок. Но сейчас — все довольны. После этого еще больше вырос авторитет младших командиров.

Сержант П. Курганов.

О т о м щ у!

Боевая подруга погибшего в боях с немецкими оккупантами политработника т. Чумака пишет командованию:

«На днях я узнала желанную весть, что мой друг убит. Мне тяжело. Но у меня хватит сил, чтобы перенести эту тя-

желую для меня утрату.

Я училась в институте, но сейчас решила добровольцем идти в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, чтобы отомстить проклятому Гитлеру за гибель своего друга».

Самолет со злой свисткой на крыльях сделал несколько кругов над деревней, выбрал себе «цель» — избу колхозницы Красавиной и сбросил на нее фугасную бомбу. Бомба избила находившиеся двое детей Красавиной и ее соседка — 75-летняя Д. И. Черпанова. Дом разлетелся в щепы, дети Красавиной погибли.

На снимке: 75-летняя Дарья Ивановна Черпанова у разрушенного дома.

Из боевого прошлого нашей части

Командир Божко

Огненный смерч прижал бойцов к земле. Казалось нет никакой возможности двигаться дальше.

Лейтенант Степан Божко лежал тут же, в снегу, в цепи наступающих.

Рядом, впереди и позади глухо рвались мины, над головой свистели пули.

Но лейтенант не замечал этого.

— Продвигаться. Продвигаться во что бы то ни стало! Лежать на месте — значит погибнуть и невыполнить боевой задачи. Но не таков он, лейтенант, коммунист Божко!

— Вперед! — И ветер разносит охрипший голос командира далеко по полю.

Бойцы привыкли к этому голосу.

И снова, плотно прижимаясь, сливаясь вместе со снегом, ползут они навстречу огненному смерчу. То тут, то там из снега вдруг приподнимается серая фигура. Стремительный бросок и фигура снова падает, снова ползет.

Еще немножко и можно — в атаку. Уже видны в белесой мгле разбросанные постройки. Это — рубеж, который должен занять лейтенант Божко со своим батальоном.

Теперь — самая решающая минута. Бойцы уже приблизились к небольшому ручью, который протекает у самой деревушки.

— Приготовиться к атаке!

Эти слова команды накаляют сердца бойцов. Сухо щелкают затворы винтовок, из сумок вытаскиваются гранаты.

— За Родину, за Сталина — ура-а! Ура-а-а!

Люди в серых шинелях и белых халатах безудержно устремляются вперед.

И вместе с ними, с маузером в высоко поднятой руке, идет лейтенант Божко.

В эти решающие секунды бойцы знают, что командир с ними. И ничто не может удержать их. Уже ворвались передние в деревню. Уже видно, как из сараев, из под домов выскакивают немцы и бегом устремляются на другой конец деревни.

Строчат наши пулеметы и автоматы. Быстро рдеют кучки бегущих немцев.

* * *

Во время одной из атак лейтенант Божко был ранен вражеской пулей. К горячо любимому командиру подскочили бойцы. Они хотели спасти его жизнь.

Но рана была смертельной. Командир умирал. И среди свиста пуль, среди грохота разрывов мин произнес он свои последние слова.

— Тот, кто любит свою Родину должен идти только вперед, на врага... Я умираю... Но вы идите вперед, бейте без пощады этих гадов...

Лейтенант Божко погиб. Но погиб он со славой, как патриот своей Родины, как коммунист и храбрый русский воин.

В. Жилмостных.

КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА

Вторник 29 июля 1943 года. № 81

БУДЬ ГОТОВ К РЕШАЮЩИМ БОЯМ!

ИСПОЛЬЗУЙ КАЖДУЮ МИНУТУ ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ БОЕВОЙ ВЫУЧКИ!

Отлично знать свои обязанности в бою!

Недавно пришел к нам во взвод боец-казах тов. Молдаванов. Он очень старательно выполнял все, что от него требовали на тактических занятиях, но недостаточное знание русского языка мешало ему достаточно выложить командиру и его действия чувствовались неадекватными и нечеткими.

Молдаванов решил оказать индивидуальную помощь. Чтобы он лучше запомнил команды, ему наглядно показывали, как надо действовать при выполнении той или иной команды. Молдаванов быстро начал усваивать команды и теперь он хорошо усваивает на тактических занятиях.

Так мы отработываем четкость в действиях каждого отдельного бойца на тактических занятиях.

Отлично действуют на тактических занятиях с нас пулеметчики т.т. Рыбов и Халикин, наблюдатели т.т. Черновиков, стражи т.т. Мотигин и Платошкин.

Большое внимание на отработку действия одиночного бойца уделяют командиры отдаленный т.т. Сурков и Власов. Они прекрасно знают свои обязанности, командиры с стараниями, чтобы верные им бойцы также отлично знали свои обязанности в бою и четко выполняли команды.

Красноармеец А. И. Семенов.

Командир, парторг, агитатор

Командир Кожобеков Байрашман работает у нас парторгом и групповодом. Он всегда находится с бойцами, проводит с ними беседы и информирует о текущих событиях и одновременно хорошо выполняет свои обязанности, как командир, умно организует боевую учебу.

Я не знаю, как Кожобеков успевают все это делать, но только все занятия проходят организованно и на высоком уровне. За это все бойцы его любят, внимательно слушают

все, о чем он говорит, стараются не отставать в учебе.

Тов. Казабеков очень требовательный командир, беспощаден к нарушениям дисциплины, он не перестает напоминать, что дисциплина для нас нужна, как воздух.

Как следствие упорной работы т. Казабекова бойцы, бесспорно, с нарушениями дисциплины, случаи неисполнения обязанностей у нас теперь нет, в подразделении существует полнейший порядок.

Красноармеец Финишенов.

Меткие выстрелы

Отлично стреляют на противотанковой пушке наши броневые бойцы. Наводчик т. Шахов, стреляя на расстоянии одного километра, первым снарядом разбил блиндаж. Наводчик т. Калитков, на 900 метров, также первым снарядом разбил станковый пулемет.

...На горизонте показались танк «протиники». Он

со скоростью 25 километров в час.

По вражескому танку — оговори! — позвела команда, и наводчик т. Репин бьет по танку. Первый снаряд разбивается не далеко от цели. Вторым снарядом танк падает.

Отличные показатели стрельбы — результат упорной учебы наших броневых бойцов. А. Соляев.

Поддержали разведчиков

Миниметками нашего подразделения получил задачу — поддержать миниметными огнем разведчиков.

Командиры миниметных расчетов т.т. Лобанов и Анисимов передали своим расчетам команду: открыть огонь по блиндажу «протиники» на расстоянии

700 метров. Наводчик т.т. Гербицкий и Лобанов приняли по два выстрела. Мины попали точно в цель и танк «протиники» для нас оказался успешно выключен из боя.

Старшина П. Купебинов.

Артиллеристы в наступлении

(ИЗ БОЕВОГО ОПЫТА)

1. Подготовка к наступлению

Находясь в обороне мы большое внимание уделяли изучению обороны противника. Наши разведчики наблюдали т.т. Жеребцов и Сорочкин целыми сутками вед наблюдение за противником, изучая систему его обороны и размещение огневых средств. Это дало нам возможность точно установить, где у немцев находятся орудия, минометы, пулеметы и куда мы должны сосредоточить свой огонь.

В это же время в огневых взводах развернулось активная учеба. Бойцы изучали материальную часть и тренировались в стрельбе. Стреляя по-настоящему, не только с закрытых позиций, но и выходя на прямую наводку. Как то вечером выкатили орудие на открытую позицию, тщательно замаскировали по врагу. С наблюдателями орудия хорошо было видно, как взлетели в воздух немецкие блиндажи.

За несколько дней до получения приказа о наступлении, мы несколько вышек выкатили на прямую наводку. Т. Заболотских свое орудие поставил в самые передние траншеи, тщательно замаскировал.

Ночью перед наступлением никто не спал. Разведчики Жеребцов и Сорочкин следили за противником, связисты Довсков и Шуднев не отходили от телефонов, командиры орудий Ракитинский, Савин, Лунев дежурили у пушек, в ожидании сигнала вступить в бой.

II. Прорыв немецкой обороны

В 6.00 был получен боевой приказ о наступлении. Орудиями, входившими в прямой наводке, было приказано проделать проходы для пехоты и подавить огневые точки переднего края обороны противника.

Проволочные заграждения, минные поля, огневые точки — все было нам известно и артиллерия заранее. Поэтому, как только была дана команда: «Огонь!» — минометы залпами разорвали проволоку, обез-

вредин минные поля и подавали в воздух немецкие злоты. Первым же снарядом командир орудия т. Савин разбил злот, где был станковый пулемет; командир орудия т. Лунев заставил замолчать второй злот.

В проделанные артиллеристами проходы пошла в атаку наша пехота.

В это время пушки, стоявшие на закрытых ОП, сосредоточили свой огонь по отступающим немцам.

III. В боях в порядках пехоты

Линия немецкой обороны была прорвана. Немцы поспешно отступали, оставляя на пути трофеи и группы солдат и офицеров. Вслед за отступающими врагом, вместе с пехотой наши вперед и наши артиллеристы.

Пытались сдержать наступление, немцы неслись в каждой выходящий на передний план нашей артиллерии и под напором пехоты вынуждены были отходить.

На подходе к одной деревне разведка донесла, что немцы укрепляются. Наша пехота сосредоточилась на опушке леса, куда же прибыла и артиллерия. Лейтенант тов. Костырев выбрал наилучшей густой лес, засек огневые точки противника и связался с командиром пехотного подразделения. Несколькими меткими залпами немецкие огневые точки были подавлены и наша пехота без потерь заняла деревню.

IV. Взаимодействие с пехотой

Двигаясь в боевых порядках пехоты, мы ни на минуту не теряли связи с пехотными командами, осуществляли взаимодействие.

В одной из деревень, заняв выгодный рубеж, про-

тивник сильно укрепился. Пехота несколько раз предпринимала атаку, но безуспешно. Тогда мы скрытно повзвели к деревне пушки. Тов. Костырев совместно с разведчиками разведкой расположением противника, засек огневые точки. Утром пехота снова пошла в атаку, а перед этим наши пушки уже подавали несколько пулеметных и минометных точек противника. Оставались еще скрытые огневые точки, которые выжили — теперь, на подавление этих точек командир т. Терещенко выкатил свое орудие на прямую наводку и стал расчищать путь пехоте.

На этот раз атака пехоты завершилась успехом.

В другой раз немцы предприняли контратаку на нашу пехоту, расположенную в только что занятом населенном пункте. Наши пушки сразу же развернулись и огнем и упорно стреляли врага. Тов. Костырев, разведчики Сорочкин, Марковкин и Кушников с гранатами бросались на помощь пехотинцам и в ближнем бою забросали вражеский пулемет гранатами, истребив много немцев.

За хорошее взаимодействие с пехотой и за взаимовыручку почти все участники этого боя получили правительственные награды.

Сейчас в нашем подразделении идет напряженная боевая учеба. Учатся все — огневики, разведчики и ездовые, учатся бойцы и командиры. В ходе учебы мы используем свой боевой опыт и готовимся бить врага так, как этого требует дело победы.

Капитан Давидович.

Лейтенант Костырев.

Мл. лейтенант Гораченко.

Ст. сержант Анисимов.

Разведчик Павлов.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

84

1. Фамилия, имя, отчество ЖИЛОСТНЫХ ВАСИЛИИ КАСЬЯНОВИЧ
2. Звание ТЕХНИК-ИНТЕНДАНТ 1 РАНГА. 3. Должность СЕКРЕТАРЬ редакции дивгазеты "СТАЛИНЕЦ", часть 371 стрелковая дивизия. Представляет-ся к медали "За отвагу"
4. Год рождения 1906 5. Национальность РУССКИЙ 6. Партийность - член ВКП/б/
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне /где, когда/ в боях против фашизма участвует с 1 декабря 1941г.
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне - не ИМЕЕТ.
9. С какого времени в Красной Армии - с сентября 1941г..
10. Каким РВК призван -

11. Чем ранее награжден /за какие отличия/ - не награжден
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награде и адрес его семьи -

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

Техник-интендант 1 ранга т. Жилостных работает в редакции газеты "СТАЛИНЕЦ" с первых дней формирования дивизии.

За время пребывания на фронте т. Жилостных вырос от красноармейца до среднего командира, вступил в ВКП/б/и с апреля 1942г. работает секретарем редакции.

Как настоящий Советский работник печати, как большевик, т. Жилостных все время тесно связан с подразделениями, с красноармейскими массами. Во время многочисленных наступательных боев, которая проводила дивизия, т. Жилостных, особенно первые месяцы, находился в боевых порядках пехоты и не только давал высококачественный материал в газету, но и в отдельных случаях принимал участие в наступательных операциях - выносил раненых с поля боя, проводил политическую работу среди бойцов.

т. Жилостных мужественно и с честью выполнял все задания командования, систематически воспитывал военкоровский актив, руководил выпуском "Боевых листков" в подразделениях. Большую работу провел по пропаганде боевого опыта и боевых традиций части.

т. Жилостных вполне заслуживает правительственной награды медали "ЗА ОТВАГУ".

НАЧАЛЬНИК ПОЛИТОТДЕЛА 37-й с. д.
М а й о р

14 Февраля 1943г.

Возин

Из фронтовых записей работника
дивизионной газеты
371 стрелковой дивизии
Жилмостных Василия Касьяновича

Во время бомбежки 28 июня 1944 года недалеко от села Череев /Белоруссия/ сгорел наш редакционный автобус с наборным цехом. Там же сгорела моя медаль «За отвагу» и большая часть фронтовых записей. Сначала я было не хотел уже ничего записывать, но потом решил все же снова, хоть и коротко, но кое что записывать.

18 июля 1944 г.

Сколько за эти последние дни, как началось наше наступление из под Витебска, произошло событий!

Сейчас мы стоим у Немана. А ведь меньше месяца назад находились у Витебска. Да, здорово мы продвинулись за это время, пройдено сотни километров. Уже не тот немец, что был когда-то. В течение последних дней столько пришлось видеть их угоняемых по пыльной дороге в плен. Идут понурые, жалкие, хмурые.

28 июня для нашей редакции был трагический день. Нас разбомбило. И все случилось как-то неожиданно.

Тот день был ярким, солнечным. Настроение у всех нас радостное, приподнятое. Как же, наступаем, да еще и как наступаем!

Рано утром мы выехали и двигались вперед, на запад. По пути встречались большие группы немецких солдат и офицеров угоняемых в тыл.

Примерно в полдень мы заехали в одну деревушку. Там находились тылы нашей дивизии, расположился медсанбат. Остановились и мы, подзаправились немно-

го и решили двигаться дальше. Ведь наши полки, да и штаб дивизии были уже где-то далеко впереди.

Из деревни выехали только два наших автобуса. Впереди – машина Барабанова, там же еду я, печатник молодой солдат Павел Крушин, наборщица Нина Богданова.

Во второй машине, которую ведет шофер Сергей Холодильин находится заместитель редактора Илья Рябинский, литературный работник капитан Сергей Иванов, наборщики Николай Иванович Шатров и Гриша Дымшаков.

По дороге к нашим автобусам пристало еще несколько автомашин, нагруженных снарядами. В общем наши редакционные машины отказались во главе небольшой автоколонны.

Наша машина была первой. Я сидел рядом с шофером. Перед глазами проходили яркие белорусские пейзажи. По обе стороны большака по которому мы двигались, стояли большие, быть может посаженные еще в екатерининские времена, березы. А за ними поля наливающейся ржи и пшеницы, выбрасывающего свои метелки овса. По голубому небу плыли легкие облака.

Любуясь этим пейзажем я мечтал о том, что скоро вот закончится война, снова я буду ездить по колхозам, снова писать очерки, корреспонденции... На душе было как-то легко.

– А хорошо, товарищ капитан, когда мы наступаем. И машину вести как-то веселее, – прерывая мои мечты проговорил Барабанов.

– Еще бы, ведь когда на сердце радость, то всякую работу делать приятно. – отвечал я ему.

Далеко впереди я увидел едущего нам на встречу всадника. И вдруг этот всадник внезапно свернул с дороги и показывая на небо стал махать рукой. Затем пустил коня вскачь в сторону от дороги.

– Немецкие самолеты! – сразу же подумал я. И тут же Барабанову:

– Сворачивай в сторону, самолеты!

Барабанов мгновенно повернул автобус, а я на ходу выскочил из машины и глянул вверх. С невероятной быстротой на нашу колонну уже пикировали фашистские самолеты. Бросилась мне в глаза свастика на крыльях, заметил, как отделились черные бомбы...

Пробежав несколько метров по ржи, я камнем упал на землю. Сердце колотилось какими-то точками. Я знал, что ничем не защищен, лежу на открытом месте. А сколько приходилось уже видеть после бомбежки изуродованных, искромсанных трупов солдат...

Эта мысль проскочила в голове в какие-то доли секунды. Внутренне я чувствовал, что приближается что-то страшное. И вдруг земля подо мной колыхнулась словно живая, меня немного подбросили, в ушах что-то загудело, зашумело. Я закрыл глаза.

– Ну вот и все, конец! – мелькнуло в голове. И так-то стало жаль самого себя. Убит или ранен? Начал щупать лицо, затем туловище, ноги. Кажется все было цело. Но какое-то оцепенение навалилось на меня. Я не мог ни двинуться, ни пошевелиться. Продолжалось это быть может какую-то минуту. В голове мелькнула мысль: «Сейчас они развернутся, сделают второй заход. Тогда конец!». Повинуясь инстинкту самосохранения, поднялся с земли и побежал. Недалеко был пригорок. Хотелось бы скрыться за него. И тут же рядом с собой увидел Рябинского. Лицо его было бледно, в глазах светился страх.

– Я ранен, – сказал он.

– Куда?

Он показал кисть руки. Она была в крови.

– Сейчас забежим за пригорок, там перевяжу

– И в спину ранен, – жалобно произнес он, – боюсь я не добежу.....

– Ничего, пойдем немного тише. Самолеты кажется больше не появятся, им тут делать нечего. Смотри!

Остановившись, мы посмотрели на дорогу. Там поднимались вверх клубы черного дыма, языки пламени. Вся наша колонна была объята огнем. Начали рваться боеприпасы. Один за другим раздавались лишь взрывы....

Откуда-то к нам подбежал печатник Павел Крушин. Всё лицо у него было в грязи, глаза испуганно блестели.

– А где остальные?, – спросил я у Крушина.

– Не знаю, товарищ капитан.

Видно было сквозь дым, что один наш автобус цел. Но подходить сейчас туда было опасно. Рвались снаряды.

Мы сели. Я решил сделать перевязку Рябинскому. Но ни у кого из нас не оказалось индивидуального пакета. Сняв свою нижнюю рубашку /у Рябинского оказалась вторая небольшая рана в спину и его рубашка была вся в крови/ я обмотал ему руку. Кровь уже успела свернуться шла не так сильно. Но Рябинский был напуган и сильно взволнован.

– Что же теперь делать, ведь я не могу дойти до санбата, – повторял он.

...Прямо по полю, по ржи, Рябинский и Крушин пошли по направлению той деревни, где проезжая мы видели медсанбат. Было это отсюда примерно километров двенадцать-пятнадцать.

Теперь мне не терпелось узнать, что с ребятами, живы ли они. Но боеприпасы продолжали еще рваться. Но постоянно всё реже и реже. Я пошел. Теперь ясно видел, что кроме нашего автобуса, который Барабанов сумел отвернуть в сторону, все остальные машины сгорели. Догорал и наш автобус. Пока что около горящих машин я не видел ни одного человека. Только по ржи, кое где, на большом удалении от дороги маячили идущие лица.

Чем ближе подходил к месту катастрофы, тем тревожнее сжималось сердце. Видел искромсанные трупы, отдельные части человеческих тел – руки, ноги, куски

окровавленного человеческого тела висели на березах...

Когда подошел к дороге же совсем близко из воронки вышел Барабанов.

– Товарищ капитан, живы!, – радостно закричал он.

– А вы как, все живы?

– Все. Только вот Нины с нами нет...

Тут же из воронки вылезли Патров, Дымшаков, Холодилин, Иванов.

– Хорошо что у дороги оказалась большая воронка, мы из машины и сразу сюда, а то бы всем капут – взволнованно говорил Шатров.

Пошли искать Нину. Она лежала в высокой траве недалеко от дороги. Все платье было залито кровью, но была еще жива. Как раз подъехала машина. Мы бережно подняли Нину, уложили. Тут же нашли еще двух раненых бойцов. Их сразу же с Ниной отправили в медсанбат.

Нина была ранена в живот. Знали, что это очень тяжелое ранение. Нина была в бесспамятстве. Но успокаивали себя: «Молодая, крепкая, авось и выживет...»

Нет, не выжила Нина. Она умерла в медсанбате в тот же день к вечеру, как узнали мы потом.

А сейчас мы все подошли к уже догоравшему автобусу. От него оставалась небольшая горка обгоревшего металла.

А Барабанов осматривал свой автобус. На нем были видны следы многих пробоин, но все же стоял он целым.

– Ну как? – спросили мы, когда Барабанов полазил под машиной, посмотрел в моторе... Попорчен карданный вал, пробит радиатор... В общем тут на месте сделать ничего нельзя.

Это известие удручило нас.

– Что же будем делать?

В это время подошла машина из саперного батальона, нагруженная различным имуществом. С машиной ехал старший лейтенант Валентин Васильев. Это наш

друг, самый активный военкор и поэт нашей дивизии. Он хорошо знал нас всех. Выскочив из кабины поздоровался.

– Ну что же теперь будете делать? – спросил нас, посочувствовав нашей беде.

– Да что делать. Если бы машина была в исправности, сели бы и поехали. А так что делать...

– А может, попробуем буксиром дотащить до села, а там посмотрим – предложил Васильев.

На буксире нас дотащили до Черей. Это было большое село. Остановились вместе с саперами в одном из домов на боковой улочке. Часть домов в селе разрешена, сожжены. Но в основном село цело. Войск тут нет, они все уже далеко впереди. Лишь в отдельных домах оставились оставшие тылы. Из нашей дивизии кроме нас саперами никого не было.

Что предпринимать? Барабанов, после тщательного осмотра автобуса, сказал, что попытается отремонтировать сам, на месте. Но для этого потребуется не меньше, как дня три. А за эти дни наши куда уйдут?

Принимаю решение, ведь я, как секретарь редакции, оставался теперь за командира, оставить Барабанова и наборщиков в Черее, а самому с Ивановым отправиться, разыскать штаб дивизии, политотдел, доложить начподиву о происшедшем, получить указания. Газету мы теперь, при отсутствии шрифтов, выпускать никак не могли.

Поручив Барабанову и Холодилину заниматься ремонтом машины, оставив за старшего Патрова, мы с Ивановым отправились. Несколько километров прошли пешком. Встречались нам партизаны, они занимались выкуриванием оставшихся кое-где в лесах и болотах немецких групп. Идти вдвоем по незнакомым, довольно лесистым местам было страшновато. Думалось – вот-вот выскочат немцы или власовцы.

Но пока все было благополучно. Прошли мы уже километров двадцать и вдруг машина. Она шла в сторону Березины. Сели и мы. И к вечеру мы уже были у Березины. У встретившихся из нашей дивизии офицеров узнали, что штаб дивизии и политотдел расположились на опушке леса у самой Березины.

Уже темнело, когда мы, выйдя из машины, которая направлялась куда-то в сторону, пошли отыскивать штаб дивизии. Где-то впереди ухали оружейные залпы, небо освещалось вспышками. Бой шел за Березино.

Мы шли лесом. То тут, то там встречались лошадиные трупы. Нам говорили, что у самой Березины осталось в лесах и болотах немало немцев, которые ночью стараются перейти линию фронта, уйти к своим. Неудивительно, что в любую минуту могли мы нарваться на врага и шли, держа наганы наготове.

Ночью мы натолкнулись на повозку ревтрибунала нашей дивизии. Председатель трибунала майор юстиции Плахтиенко хорошо знал нас. Тут же приказал ездовому накормить нас. А голодны мы были как волки, ведь с утра во рту не было ни крохи. С аппетитом умяли пол краюхи хлеба с консервами и сразу же завалились спать попросив ездового, как только рассветет разбудить нас.

Рано утром были у начальника политотдела полковника Лыткина. Он уже знал, что редакцию разбомбило, что сгорела одна машина. Спросил как вторая.

– Повреждена, но шоферы думают восстановить дня через два-три.

– Восстанавливайте и двигайтесь, нагоняйте дивизию. Главное, чтобы люди у нас были в целости...

Получив в продотделе, который находится тут же недалеко в лесу продукты, мы с Ивановым отправились в обратный путь. Отсюда нам было уже легче. Быстро удалось подсесть на попутную машину, которая шла в сторону Черей. И к вечеру мы были уже в Черее.

Ночью мы натолкнулись на повозку ревтрибунала нашей дивизии. Председатель трибунала майор юстиции Плахтиенко хорошо знал нас. Тут же приказал ездовому накормить нас. А голодные мы не были как волки, ведь с утра во рту не было ни крохи. С аппетитом умяли полкравхи хлеба с консервами и сразу же завалились спать попросив ездового, как только рассветет разбудить нас.

Утром были у начальника политотдела полковника Литкина. Он уже знал, что редакцию разбомбило, что сгорела одна машина. Спросил как вторая.

- Повреждена, но шоферы думают восстановить дня через два "три.

- Восстанавливайте и двигайтесь, нагоняйте дивизию. Главное, чтобы люди у вас были в целости...

Получив в продотделе / который находился тут же недалеко в лесу/ продукты мы с Ивановым отправились в обратный путь. Отсюда нам было уже легче. Быстро удалось подсесть на попутную машину, которая шла в сторону Черем. И к вечеру мы были уже в Черее.

- Как с машиной - был первый вопрос к Барабанову.

- Ремонтируем. - ответил он - Да несчастье тут у нас...

- А что такое? - с тревогой спрашивал Барабанов.

- Сегодня ночью Васильева убили...

Да, Васильев погиб. И как нелепо.

Как я уже говорил, остановились саперы вместе с нами в той же Черее. Барабанов ремонтировал машину, а наши наборщики вместе с Васильевым и еще одним сапером отправились на озеро, которое находилось недалеко, на окраине села, глотить толком рыбу. Рыбная ловля оказалась неудачной. Наборщики вместе с сапером возвратились обратно, а Васильев по пути зашел в расположившийся недалеко медсанбат какой то части. Там быстро познакомился с одной из медсестер. Царень он был молодой, голубоглазый, к

- Как с машиной, – бы первый вопрос к Барабанову.
- Ремонтируем. – ответил он, – Да несчастье тут у

нас...

- А что такое? – с тревогой спрашиваю Барабанова.
- Сегодня ночью Васильева убили...

Да, Васильев погиб. И как нелепо.

Как я уже говорил, остановились саперы вместе с нами в той же Чарее. Барабанов ремонтировал машину, а наши наборщики вместе с Васильевым и еще одним сапером отправились на озеро, которое находилось недалеко, на окраине села, глушить толом рыбу. Рыбная ловля оказалась неудачной. Наборщики вместе с сапером возвратились обратно, а Васильев по пути зашел в расположившийся недалеко медсанбат какой-то части. Там быстро познакомился с одной из медсестер. Парень он был молодой, голубоглазый, к тому же поэт. Поговорил с девушкой и договорились они вечер провести вместе у озера.

И вот вечером, вместе с девушкой, Васильев отправился к озеру. Ночь была по-летнему теплой и чудесной. На небе над озером в дымке светился диск луны, освещающая все причудливым и таинственным светом. Где-то на берегу кричал коростель, а с поля доносилось перепелиное «пить-пи-вить, пить-пи-вить...»

Васильев был настроен лирически. Он читал стихи Пушкина, Есенина, свои. Медленно шел по берегу, поросшему тальником и камышом.

– Вот скоро и конец войне, – мечтательно говорила девушка, – вернемся мы домой к своим матерям, отцам, братьям, сестрам. А кто и к своим невестам. Ведь у вас есть, наверное, невеста? – и девушка, прищутив насмешливо глаза, посмотрела на идущего рядом офицера.

– Нет, пока еще не успел обзавестись – смеясь, ответил Васильев.

– Ой, все вы так говорите. На фронте все холостяки, а поди уже небось и дети есть...

В это время они проходили около густых кустов. И вдруг, внезапно кусты зашумели, раздвинулись и перед Васильевым и девушкой, словно из под земли выросла фигура.

– Ой! – вскрикнула девушка и бросилась в сторону.

Васильев потянулся было за пистолетом, но было поздно. Немец почти в упор выстрелил из парабеллума в грудь. Девушка слышала выстрел, слышала, как Васильев что-то крикнул. А через минуту раздалось еще несколько выстрелов и все смолкло. Снова кричал где-то коростель, перекрикивались в поле перепела.

Перепугавшись, девушка прибежала в медсанбат и тут же рассказала дежурному о происшедшем у озера. Несколько солдат и офицеров бросились к озеру. Васильев был мертв. Одна пуля прошла в грудь навывлет. Две пули были всажены в лоб...

Так вот и погиб наш товарищ, активный военкор, поэт и замечательный человек. Валентин Васильев.

Похоронили мы его в тот же Чарее. Мне пришлось над могилой произнести надгробную речь. При похоронах было несколько солдат, несколько местных женщин. Я говорил о том, как ненавидел Валентин Васильев немецких захватчиков, как храбро сражался он. Он сражался не только оружием, но и стихами. Его стихи возбуждали у воинов любовь к Родине и ненависть к врагу. Тут же я прочитал одно из четверостиший, написанных Васильевым не задолго до своего трагического конца...

Смерть Васильева тяжело переживал весь нас коллектив. Хотелось как можно быстрее поехать из Чареи. Шоферы прилагали все силы к тому, чтобы привести машину в порядок. Мы с Ивановым достали у одних хозяиственников бензин.

И вот машина готова. Быстро укладываемся и отправляемся вперед, на запад. Наша дивизия уже где-то километров за двести впереди. Нас во что бы то ни стало надо ее нагнать. Ехать приходится почти все время одним. Лишь изредка встречались нам идущие в тыл машины, да небольшие группы солдат.

Только лишь у самой Березины мы встретили много машин. Оказалось, что мост через реку был взорван, и части переправлялись через временную переправу. Сейчас эта переправа уже растрепалась, машины проходили с трудом и образовалась громадная пробка. Больше чем на километр одна за другой вытянулись машины.

В памяти нашей еще было слишком свежо как на нас налетели немецкие самолеты. А тут им поработать было над чем. Поэтому мы решили к колонне не пристраиваться, а переждать немного в стороне. Отъехали с полкилометра в сторону, замаскировали машину. Мы с Иванковым отправились на переправу, посмотреть, что там делается. А делалось то, что обычно делалось на переправах. Все время в воздухе висел мат, крики, угрозы. Каждому хотелось перескочить переправу как можно скорее, каждый опасаясь, что вот-вот могут появиться немецкие стервятники... Но немцам в эти дни по-видимому было не до этого. Несмотря на то, что погода была прекрасная, видимость замечательная, а объект для бомбежки слишком привлекательный, все же за несколько часов пока рассосалась пробка, мы не увидели в небе ни одного немецкого самолета. Для нас это было удивительным.

Мы переправились через Березину в числе последних, уже вечером. Не останавливаясь продолжали свой путь по белорусской земле.

Мы уже находимся на территории Литвы. Все последние дни были в движении. Кое-как доставали горячее и двигались вперед, нагоняя свою дивизию.

Сколько за эти дни пройдено прекрасных по своей красоте мест! До чего же хороши литовские леса. Столетние дубы, могучие сосны, ели.

На поляне, под раскидистым орешником делается сейчас номер нашей дивизионки. За это время мы уже сумели обзавестись шрифтами. За ними из-под Вильнюса ездил в Минск только что прибывший к нам новый редактор капитан Комаров. Сейчас мы находимся уже где-то на подступах к Каунасу.

Кассы разложены на земле, под кустами. Сделаны импровизированные реалы. Наборщики набирают газету.

Я только что встретил Иванкова. За время нашего наступления увидел его впервые. Это наш военкор и поэт. Как-то мы несколько дней вместе с ним писали историю нашей дивизии. Но потом бои, снова было уже не до историй и Иванков снова ушел в трофейную команду.

Теперь для трофейной команды работы было много.

– Устал я за последние дни, – жаловался Иванков. И это было видно по его лицу. Он как-то осунулся, заметно постарел.

Сегодня наш медсанбат подвергся нападению немецкой группы, выходящей из окружения. Завязалась перестрелка. В этой перестрелке было убито и ранено несколько человек из санбата. Погиб и адъютант командира санбата майора Герасимова.

Уже позади Каунас, Неман. Недалеко и до границы Восточной Пруссии. С нетерпением ждём того момента, когда наконец вступим на землю врага.

За последние дни произошло много событий.

Теперь снова регулярно выходит наша газета. Вместо сторевавшего автобуса шофёры пригнали прямо с поля боя трофейную автомашину системы Крупп. Это – «драндулет», как его называет прибывший к нам вместо Холодилина шофёр Ковалёв, изготовленный в Германии, прошедший десятки тысяч километров по нашей территории и идущий теперь на свою Родину – в Германию. Вид у этой машины довольно оригинальный, особенно после того, как наши шоферы произвели некоторое переоборудование.

Да и событий произошло за это время много. И многих ребят, хороших знакомых и друзей, не стало за это время.

Погибли Иванов, Белоглазов, Волохов, Ипатов... Все это люди, служившие в нашей дивизии с первых дней, чебаркульцы. Со всеми приходилось часто встречаться, думать, мечтать...

Иванов! Как он мечтал о том, чтобы быть комендантом какого-нибудь немецкого города.

– Уж я тогда покажу им свою власть! – говаривал он.

И вот тебе на. Немного не дошли до Восточной Пруссии, и он погиб.

Белоглазов. Комиссар, а потом заместитель командира артдивизиона по политчасти. Какой хороший был товарищ, сколько раз приходилось мне бывать в его дивизионе. В этом дивизионе служило немало старых артиллеристов, ещё с Чебаркуля. Служил в его дивизионе и уралец, командир орудия Дмитрий Наймушин. Он воевал с той пушкой, с которой прибыл на фронт. Все люди

его расчёта уже выбыли из строя, а он словно заговорённый, даже ни разу не был ранен.

– Мы с Наймушиным пройдем Германию, побываем в Берлине, а уж потом поедem на свой Урал, – нередко полшутя говорил Белоглазов.

Не сбылись его мечты. Где-то на окраине Каунаса попал под миномётный огонь, получил ранение в руку. Привезли в медсанбат. Казалось, что ранение не столь серьёзное. Но открылась гангрена, отрезали руку. Пошла дальше, и спасти Белоглазова наши медики не смогли.

А Волохов погиб при бомбежке на берегу Немана. То была сильная бомбёжка. Немцы, стремясь сорвать нашу переправу на тот берег, бросили изрядное число самолётов. В течение суток вражеские стервятники появлялись группами несколько раз. Бомбили сооружаемую сапёрами переправу через Неман, бросали бомбы на войска. Налетели они и на штаб дивизии, располагавшийся в лесу недалеко от берега. Был ранен командир нашей дивизии Алексеенко, только что ставший генералом. Волохов был ранен легко, но у него также получилась тазовая гангрена, и он умер в медсанбате.

А, Ипатов! Какой хороший был разведчик.....

Жалко ребят. Но война. К жертвам уже привыкли.

Итак, мы находимся в Литве. Литовцы не понимают нашего языка. Мы тут словно чужеземцы. Наша типография расположилась во дворе литовского крестьянина. Вчера заместитель редактора майор Павлов пытался было завести разговор с хозяевами-литовцами – стариком, старухой и их дочерью. Но как ни пытался, ничего не получилось. Они не понимают его, он не понимает их.

Представляю себе, как чувствовали себя немцы в нашей стране, да при том, что люди на них были озлоблены!

Я сижу под деревянным навесом за импровизированным столом из какого-то ящика. Пишу, а меня кусают злобные мухи. Павлов не выдержал и ушёл из-под навеса. Я же продолжаю писать. Пишу листовку о героическом подвиге девятнадцатилетнего казаха Канатбаева. Молодец! В жестокой схватке он сумел подбить из противотанкового орудия четыре вражеских танка. Последний подбил, будучи уже раненым. Сейчас лежит в медсанбате. Я был у него, разговаривал с ним. Считает, что особенного он ничего не проявил. Стрелял – и всё!

22 августа

Больше двух недель стоим на одном и том же месте, недалеко от Немана. Около леса небольшой отруб, усадьба литовского крестьянина. Наша типография разместилась во дворе под сараем. Мы живём в доме литовца, несколько похожем на наши сельские, так называемые «связи». Этот дом разделён сенями на две половины. В одной половине, состоящей из двух комнат, живут старик со старухой и с ними девушка лет шестнадцати – Марита. Она какая-то дальняя родственница стариков, но живет у них на положении батрачки, вся домашняя работа лежит на ней.

У палисадника за домом красивые цветы – георгины, золотой шар, астры, ноготки и другие. Во всём и везде чувствуется приближение осени. Уже начинают желтеть листья в лесу, который начинается тут же за домом. А по двору весь день слышится голос Мариты. Весёлая и жизнерадостная миловидная девушка. Несмотря на то, что не владеет русским языком, свободно изъясняется с нашими наборщиками, с шоферами, с художником Вагановым.

Литовцы относятся к нам приветливо, всячески стараются угодить нам. Ежедневно утром и вечером на

нашем столе появляется кувшин свежего молока, иногда простокваша. Это приносит старуха. Иногда она угощает нас яичками, салом.

Старик когда-то служил в старой армии в Петрограде. Хорошо знает русский язык, но говорит с нами мало. Недоволен тем, что наши солдаты оборвали у него в саду яблоки и груши, не дав им даже вызреть.

XXX

На днях в политотделе армии проводилось совещание работников армейской печати. Вызвали нас как-то внезапно, мы поехали на своём «драндулете». Пришлось немного поблудить, пока наконец-то добрались до пункта, где разместились политотдел и штаб армии.

На совещании нашу газету похвалили. Редактору там же была объявлена благодарность, и Хватов, начальник политотдела армии, вручил ему орден Отечественной войны 2 степени.

Наша дивизия за дни наступления совершила немало. Наградили её орденом Боевого Красного знамени и орденом Суворова 2 степени. Награждены за время наступления многие бойцы, командиры, политработники. Награжден и я орденом Красной Звезды.

XXX

Вчера в нашей дивизии, прямо в лесу, на импровизированной сцене выступали артисты Госцирка. Давно не видел я артистов и всю программу смотрел с большим интересом.

Артисты приехали, наверное, потому, что особенных активных боевых действий дивизия не ведёт. Изредка постреливают наши, иногда немцы.

Когда вечером возвращался через лес в редакцию, внезапно прямо на меня из кустов выскочило большое

красивое животное. Сделав несколько больших прыжков оно скрылось в чаще, и не сообразил я – это был олень, или дикая лань. Но уж очень красивым мне показался.

XXX

Вот уже неделю, как нет в редакции Сергея Ивановича Иванова, нашего литсотрудника. Уехал он в госпиталь лечить чирьи, которые как он выразился «со свету его сжили» и до сих пор нет его. По всему видно, что он все же хочет из нашей редакции смотаться в другое место. К этому и идет. А вот причина для этого совершенно не ясна.

23 августа

Сегодня ночью такой был отвратительный прием. Свист, шум, еле удалось принять материал для газеты. Принял два больших приказа Верховного, да сводку на две колонки.

С того дня, как начали наступление, сводки нас радуют. Наконец-то! А сколько за это время уже вышло приказов Верховного главнокомандующего об освобождении городов, о наших победах.

Ночь сегодня была темная, темная, Только для поиска. Какая-то немецкая радиостанция передавала хорошую музыку. И под звуки этой музыки услышал, как на нашем участке сыграли свою зловещую песню шестиствольные минометы.

6 сентября

Сегодня в торжественной обстановке командующий армией генерал Крылов вручал офицерам ордена и медали. Я получил орден Красной Звезды и медаль «За оборону Москвы».

Выход чарта не пишете!

3/11 Верунович!
Вчера послал тебе письмо, сегодня
уже пишу. Но вот эти дни пишу
очень мало. Писарь мой, некогда, и
написывает, горючие письма.

Кушакъ тѣмъ же, какъ и въ
Копенгагенѣ. Карале тѣмъ же, въ какъ
Синѣ и подморожено.

из моего распоряжения. Значит тем
«Домашнее хозяйство, хозяйство. Проводить
Квартал — много денег

А лес принимает все больше и больше тот вид, который напоминает, что лето прошло, и вступает в свои права осень. Здесь почему-то нет грибов. И вспоминаю Мосальск. Сколько было грибов! Любили мы ходить по грибы с Рябинским. Впервые он познакомил меня там с лисичками. И до чего же вкусными они оказались. А готовили их нам и хозяйка, где мы стояли (почему-то это место называлось «Кавказ»), и в нашем АХЧ (ред. – административно-хозяйственная часть) Наташа, сестра Нины. Тогда в нашей дивизии из Зубцова были три сестры – Галя (она работала в ПАХе (ред. – передвижная армейская хлебопекарня), Наташа (работала поваром в АХЧ) и Нина (в начале работала она в автороте, а потом, после того как ранены были наши наборщики, и некому было набирать газету, политотдел прикомандировал к редакции и Нину).

Да, отвлекся я воспоминаниями. А, в общем, осень вступает в свои права. А мы все живем у того же литовца. Сейчас литовцы заканчивают уборку хлебов с полей. Во дворе, где мы стоим, наши хозяева производят обмолот ржи, пшеницы и овса. Обмолот ведется коллективно, как когда-то в нашей деревне. Сначала обмолачивают хлеб коллективно у одного, затем переходят к другому и т.д.

Как-то я лег спать под ометом только что обмолоченной соломы. Едва только закрыл глаза и вдохнул воздух, наполненный ароматом свежей соломы, как ярко вспомнились мне осенние дни в родной деревне. И так страстно захотелось увидеть деревню. Какова она теперь? Ведь и в наших местах хозяйничали немцы.

XXX

Все чаще и чаще приходится слышать разговоры среди солдат и офицеров о том, что скоро война должна кончиться. Так ли это на самом деле? Не придется ли четвертую зиму проводить в землянках?

Я не верю всяким предзнаменованиям, приметам и прочей чепухе. Но война так надоела, что когда сегодня возвращался из полка по лесу, то подумал: «А может и в самом деле полное отсутствие грибов в лесу служит хорошим предзнаменованием? Ведь в тот год, когда началась война, были грибное лето и осень».

6 сентября

Скоро месяц, как мы стоим на одном месте. После головокружительного наступления, кажется, что стоим на месте уже целую вечность.

На переднем крае довольно тихо и спокойно. Изредка постреливает немец, изредка мы. Наши подразделения занимают оборону. Потерь в последнее время никаких. В полках люди пообжились, несколько даже пообленились. Командир 1229 полка Бородин живет в особняке, обставился дорогой мебелью, стены увешаны коврами. Все это бросил сбежавший с немцами местный богатей.

Заместитель командира дивизии по тылу подполковник Салтыков сказал как-то Бородину, чтобы сдал ковры в дивизию.

– А этого ты не хотел?! – показывая кукиш, ответил Бородин. – Вот когда я воюю, то вы меня как-то и не замечаете, обо мне не вспоминаете. А когда повесил ковры – сразу заметили. Нет, не выйдет. Есть возможность – буду жить с коврами и прочими прелестями. А пойдем в бой – забирайте все это барахло, оно мне никак не нужно!

Вообще Бородин интересный человек и бойцы его уважают за смелость, за юмор, который иногда он проявляет. В одном из боев, как мне рассказывали бойцы, проявил их «батя» настоящую сметку и находчивость. Было так. Попал Бородин вместе с бойцами под минометный обстрел. Дело было в деревне, на улице. Солдаты

– кто куда. А Бородин увидел лежащий на улице большой чугунный котел, схватил его и на себя. А только минометный обстрел закончился, вылез из-под котла, отряхнулся, подмигнул находившимся поблизости солдатам и сказал: «Вот так-то, учитесь использовать в бою подручные средства защиты».

Сам я свидетелем такого случая не был и не могу утверждать, правда ли это. Но зная Бородина, думаю, что могло это быть и в самом деле так.

XXX

Получил письмо от Рябинского. Он до сих пор находится в московском госпитале. Часто видится с женой. И хоть пишет, что соскучился по фронтовой жизни – не верю.

Завтра с утра иду в политотдел. По приказанию начальника политотдела надо сфотографировать наиболее отличившихся в последних наступательных боях солдат и сержантов.

8 сентября

Приехал Сергей Иванов. Находился он в Вильнюсе. А у меня наклеивается поездка в Каунас. Там имеется цинкография и надо сделать клише для своей газеты. Снимков я наделал много, а клише совсем нет.

Сегодня были у нас в редакции два корреспондента из фронтовой газеты и Савельев из армейской. Из фронтовой Улаев и еще кто-то. Попросили у меня дать им очерк «В неволе», который был опубликован в нашей газете. Очерк сделан на основе дневника одной русской девушки, находившейся в фашистском плену.

15 сентября

Вот уже второй день нахожусь в Каунасе. Приехал сюда вместе с саперами, которые привезли хоронить начальника штаба.

Вчера мы его хоронили – Сайданов и еще несколько человек. После похорон прошел по кладбищу. Здесь много памятников, масса цветов, полный порядок, чистота, тишина.

А город живет полной жизнью. По улицам масса людей, все куда-то бегут, суетятся. И кажется – нет уже никакой войны.

Вечером зашел в редакцию фронтовой газеты «Красноармейская правда». Встретил там старого московского знакомого Александра Григоренко. Он был завсектором печати Московского комитета ВКП(б), а я работал вместе с его женой Тишинской в одном отделе газеты. Был у него как-то на квартире, в гостях.

Вместе с Григоренко в одной комнате Евгений Воробьев. Немного знаю его по «Комсомольской правде». Долго говорили. Интересовались, как там у нас в дивизии, есть ли герои, просили писать для фронтовой газеты.

XXX

Живу в Каунасе у стариков-литовцев на окраине города, за Неманом. Старики гостеприимные, уважительные. Сначала я думал было уйти от них, подыскать жилье поближе к типографии. А квартир тут сколько угодно. Зашел было я к одним, встретила меня «гранд-дама» и сразу же начала договариваться об оплате, об условиях. Мне отвыкшему от таких дел, страшно не понравилось. Вот думаю, мы кровь проливаем, а она торгуется! И я решил остаться до конца у стариков-литовцев.

Немного побыл в Каунасе, а уже скучаю по своим. С нетерпением жду, когда будут готовы клише.

Из Каунас добирался в свою дивизию на попутных машинах, а часть пути пришлось шагать пешком. Шел берегом Немана. Красивые места.

А редакция стоит все там же, у литовца. Но по всему чувствуется, что скоро двинемся.

1 октября

Наконец-то мы покинули обжитое уже местечко. Передвинулись километров на полсотни. Теперь находимся недалеко от переднего края, а полки наши уже заняли рубежи для нового наступления.

Здесь для нас уже нет тех удобств, которые были у литовца. Живем под открытым небом. Но нам не привыкать. Все тут искромсано, разрушено, сожжено, разбито. Места несколько напоминают те, что видели мы под Витебском. Мы заняли было одну из землянок, но приехали артиллеристы и доказали, что землянка эта для их части.

Наборщики перебрались в небольшую полузаваленную землянку, которую нашли мы поблизости.

А скоро опять начнутся жестокие бои. К этому идет сейчас подготовка во всех полках, батальонах, ротах. А осень уже вступила по-настоящему в свои права. Идут дожди, по вечерам становится довольно холодно.

16 октября

Сегодня началось.

В семь утра, едва только начало светать, началась артиллерийская канонада. Но главное началось в 9 часов. Это было что-то непередаваемое. По фронту на многие километры все гремело и грохотало. Несмотря на то, что мы были от переднего края километрах в 8-10, земля под нами вздрагивала, словно живая.

После артподготовки сразу же пошла наша авиация. Летали бомбардировщики, штурмовики, истребители. Сотни самолетов.

Попало немного от своих самолетов и нам. Мы стояли у нашей полуразрушенной землянки и наблюдали за самолетами, и вдруг, летевшие над нами штурмовики совершенно неожиданно для нас открыли огонь. Словно вода в пруде во время дождя запрыгали по земле земляные бугорки-фонтанчики. Мы бросились в землянку.

Несколько минут кружились над нами штурмовики. Мы боялись, что бросит бомбу или фуганет из «катюши». Но все обошлось благополучно. Обстреляв нас, самолеты ушли. Когда мы вылезли из землянки, артиллерийская канонада гремела теперь уже гораздо дальше. Наши прорвали оборону и пошли вперед.

Выпустив очередной номер газеты, быстро сматываемся, и наши машины двинулись вслед за наступающими, тоже вперед, на запад.

19 октября

И опять многих потеряли. В первый день наступления погибла медсестра первого дивизиона Галя Коломиец. Хорошая была девушка. Отзывчивая, внимательная. Ее любили артиллеристы. Вместе с дивизией прошла она от Москвы и почти до границы Восточной Пруссии. И на тебе, погибла.

А наши уже на прусской земле. Мы остановились километрах в семи от границы. Приехали сюда вчера ночью. Пришлось плутать, и как мы не напоролись на мины. Сегодня утром посмотрели – кругом расставлены знаки – мины! мины! мины!

Вместе с нами находится политотдел, клуб, музыканты. День начался пасмурный, неприглядный.

И пейзаж скучный. Полуразрушенный литовский домик, а кругом все изрыто, ископано, исковеркано...

21 октября

Сегодня первый день мы находимся на прусской земле. Наконец-то совершилось то, чего мы так долго ждали и к чему шли, теряя друзей и товарищей.

Разместились тут шикарно, как еще никогда и нигде не размещались. В коттедже занимаем две большие комнаты. В доме и электричество, и водопровод, и баня. Возле дома – садик, также небольшой гараж для автомашины.

Комнаты мы обставили мягкой мебелью, которую притащили из подвала. Стоят у нас роскошные деревянные кровати, круглый стол из красного дерева, мягкие кресла, диван.

Колонна пленных немцев

Хороши тут и печи. Небольшие, чистенькие, сделанные из кафеля. И как мало требуют они топлива. Немцы топят их брикетами, но так как брикетов у нас под руками не оказалось, то в качестве топлива пошли у нас кресла и стулья.

Отсюда, с границы, немецкие жители удирали поспешно. Побросали даже домашний скот и птицу. Нам, правда, не удалось попользоваться, но бойцы передовых подразделений уже успели отведать и курятнику, и говядинку.

Да, каково-то немчуре бросать эти насиженные уютные гнезда? А жителей не остается ни одного. Они страшно боятся русских и удирают от старого до малого. Да это и понятно. Наши солдаты так накалены ненавистью к немцам, что, пожалуй, вряд ли оставили бы их сейчас в живых.

Деревня, в которой мы остановились, называется Ожнаггери. Совсем недалеко протекает небольшая речонка Шервинта. Она разделяет Пруссию и Литву. Когда мы вчера вечером переезжали через эту речку, то дали салют в честь перехода через границу.

22 октября

Второй день в Восточной Пруссии. Прямо как-то не верится. Наконец-то положение переменилось. Сегодня столько наших бомбардировщиков пролетело над нами вглубь Пруссии, что не счесть. А ночью, на западе, там, где враг, виднеются большие зарева пожаров.

Сегодня встретил майора Требушинина. Это пропагандист одного из стрелковых полков. В начале наступления под Витебском он был ранен, а теперь, после госпиталя, снова возвратился в дивизию. Говорит, что сильно соскучился по своим, спросил, кто за это время выбыл из строя. Рассказал то, что знал.

23 октября

По-прежнему стоим на том же самом месте. Уже обжились, присмотрелись к прусским пейзажам. Неплохо жили фрицы. Сегодня, впервые за время пребывания на фронте мылся в ванне. Правда, подвал, где находится баня, наши бойцы уже сумели превратить во что-то похожее на свинарник. Тут и всевозможные банки, склянки, тряпки, мусор. Но ванна настоящая. Тут же и горячая вода...

31 октября

Вот и октябрь закончился. А мы по-прежнему стоим все в том же немецком домике. Вчера я ходил в политотдел, а потом на командный пункт дивизии. Он находится в небольшом разбитом немецком домике. Домик этот так раскромсан, что живого места нет. Стена, обращенная к шоссе, выворочена совсем. Прямо тут же среди кирпичей, обломков черепицы, бумаг и прочей рухляди валяется пианино. Бойцы подходят к нему и кто как барабанят по клавишам...

8 ноября

Вот и прошел наш Октябрьский праздник. Отметим мы этот день тем, что выпили спирта, который Иванов достал через военторг. Сам же Сергей Иванович в этот день изрядком хватил спиртного и затеял скандал с шофером Ковалевым. Еле нам удалось их развести. Ведь Ковалев горячий парень, он уже побывал и в штрафном батальоне...

Завтра рано утром мы из этой деревни уезжаем. Говорят, что на новом месте для нас такого простора и такой роскоши уже не будет, там сосредоточены все наши тылы, авторота, медсанбат.

А на улице осенняя слякоть. Неохота покидать обжитое место. Когда же снова мы начнем наступать?

В дни наступления как-то веселее становится на душе. А когда стоишь на месте, то, кажется, никогда не будет конца этой, уже изрядно надоевшей, войне.

15 ноября

Сегодня неожиданно к нам в редакцию пожаловал Рябинский. Он назначен редактором дивизионной газеты «Советский артиллерист». Редакция новая, только что созданная. Своих прифтов еще не имеет и свой первый номер газеты Рябинский печатал у нас.

Долго мы вспоминали с Рябинским наше прошлое, бои под Витебском, первые дни наступления...

XXX

Дальнейшие дневниковые записи о боях в Восточной Пруссии, о выходе к заливу Фриш-Гаф, о Кенигсберге, подготовке к отправке из Восточной Пруссии оказались затерянными.

По-возможности постараюсь восстановить кое-что по памяти.

Многое из тех дней запомнилось хорошо. В частности, начало нашего зимнего наступления 13 января 1945 года, стремительный бросок, немецкий городок Велау, где брали мы первые трофеи, встреча под Кенигсбергом с братом Зои Космодемьянской – Шурой Космодемьянским, последние бои, гибель командира 1233 стрелкового полка (или 1229 – точно не помню) подполковника Чиненова, похороны его на Кремлевской площади Кенигсберга. И тогда же, когда хоронили мы Чиненова, на ту же площадь привезли тело Александра Космодемьянского...

В общем, постараюсь поворошить свою память и продолжить записи.

г. Губкин, 15 апреля 1978 г.

Встреча ветеранов ВОв в газете Ленинский путь, 1970 гг.

Жилмологистных В.К. записывает выступление Н.Г. Мызина, председателя колхоза Верный путь, на 1-ой встрече со вдовами участников ВОв. 1983 г.

Из воспоминаний дочери

Мое поколение и поколение наших детей и наших внуков не знает войны: мы не пережили ее страшные дни, голод и холод, мы не стояли в длинных промерзших очередях за хлебом, не жгли костры среди развалин, чтобы согреться...

Я знаю о войне из воспоминаний моего отца – журналиста Василия Касьяновича Жилмостных.

Не раз фронтовой журналист смотрел смерти в глаза. Самое кровопролитное и ожесточенное сражение, в котором он впервые участвовал, – оборона Москвы. Непосредственной самой дорогой наградой отец считал медали «За оборону Москвы» и «За отвагу», врученные ему за боевые дела при защите столицы. К слову сказать, журналистов на войне не радовали наградами, но того, кто не только писал, но и ходил в атаку, по праву отмечали командиры пехотных частей.

В жизни папа был очень скромным, добропорядочным, отзывчивым человеком, хорошим собеседником. Интересно, что он был малоразговорчив, но умел выслушать собеседника и дать совет. Очень принципиальный, он жил по законам совести и чести. Никогда не повышал голоса. Для жены он был опорой и поддержкой всегда и во всем, для нас, дочерей – образцом для подражания, эталоном настоящего мужчины.

Из газеты, в которой проработал до 78 лет, ушел по состоянию здоровья, но писал до последнего. В редакции его звали «аксакалом».

Про меня папа написал детскую книжку «Аннушка», на обложке которой художник-иллюстратор поместил рисунок девочки с черными кудряшками (моя полная противоположность).

Папа тесно сотрудничал и дружил с председателем Губкинского районного совета ветеранов Н.Я. Чуевым. В 1975 году, когда открывались мемориальные доски на промежуточных станциях железной дороги Старый Оскол – Ржава, он проехал по этой дороге вместе с памятным поездом. Вместе с Н.Я. Чуевым он был организатором встреч солдатских вдов и матерей на губкинской земле.

Вся его жизнь – служение народу и Родине. Его многочисленные очерки и зарисовки о людях труда, хлеборобах и механизаторах, доярках и горняках, его воспоминания о боевых друзьях-товарищах – яркое тому свидетельство.

Отец очень любил землю и привил эту любовь мне. Помню, как мы ночевали на даче: нарвав травы, расстлали ее на полу деревянной будки и спали на ней.

Он мечтал, чтобы я стала журналистом, и я им стала, хотя и не сразу.

*Анна Уколова (Жилмостных),
Член Союза журналистов России*

ПОМОЩНИЦА

Анночке четыре года. Она уже большая и много знает. Например, спросите ее, где она живет, Анночка скажет: «Я живу в городе Губкине, на улице Победа, а какой номер дома, забыла...»

Это не беда, что Анночка забыла номер дома. Зато она помнит стихи: «Наша Таня громко плачет, уронила в речку мячик...» А главное, любит помогать маме. Как только мама начинает мыть полы, Анночка тут как тут:

— Мама, а я?

Мама поможет Анночке надеть боты, фартук, нальет в таз воды. И начинается работа. Неважно, что мама успевает вымыть всю комнату, пока Анночка трет одну половицу. Ведь они вместе трудятся, вот что!

— Я помогаю тебе, мама, пол мыть, и ты мне

3

В. ЖИЛМОСТНЫХ

Анночка

Своим товарищам
Вере и Анне на
память своей
первой книжечки.

12/10-1982.
г. Губкин.

В. ЖИЛМОСТНЫХ

Анночка

ВЕЛГОРОДСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1982

Летопись Великой Победы

**С ЛЕЙКОЙ И БЛОКНОТОМ,
А ТО И С ПУЛЕМЕТОМ...**

В нашем семейном архиве хранятся дневники моего отца, Василия Кисельовича Жиямостных, который прошел войну военным корреспондентом дивизионной газеты «Сталинец». Некоторые 60 номера, появившиеся от времени, тоже сохранились.

Из дневниковых
записей отца
сентябрь, 1941

Молодой чернышлый политуху сниским голосом спрашивает:

- Кто из вас работал в газете?
- Я работал, - отвечаю.

Политрук подходит ко мне, расспрашивает, в каких газетах я работал, и когда узнает, что был корреспондентом и в «Комсомольской правде», радостно восклицает: «Знаю тот коллектив, на практике там был». Тут же он записал мою фамилию в блокнот и

овой обстановке. Все единодушно в том, что давать газету без того, чтобы не была вместе с бойцами на передовой, — никак нельзя. Особенно подчеркивает это наш редактор Лубенко. Он так и говорит, что каждый из нас обязательно должен присутствовать в бое, сам одушить все

он-м» — о подготовке снайперов, «Воин коммунист», «Поединок с танками», «Командир Бажко»... На фотоснимках — красноречивые в бою, на учениях, в минуты отдыха, сожженные деревни после налета фашистов.

С 1942 года, когда наша армия перешла в наступление, в газете появились призывы «В каждом бою увеличивать счет истребленных фашистов», «Враг будет разбит, победа будет за нами», «Истреблять фашистов — святой

23 июня 1943 года номер газеты вышел под заголовком «Два года Отечественной войны Советского Союза» (материал был подготовлен Совинформбюро и передан редакции).

371-й стрелковая Витебская Краснознаменная Суворовская и Кутузова боевая путь с которой отец, участвовавший (под Москвой), в освободительных боях в Восточной Пруссии, был прорывала оборону Восточной Пруссии, и где была переброшена в край, где в составе

16 октября, 1944 год
Сегодня началось наступление. Утром, в семь часов, когда только начало рассветать, я разбужен артиллерийской канной. Это наши начали артиллерийскую подготовку.

Но главное началось в 9 ч 25 минут. Это было что-то из ряда вон выходящее. По фронту на много километров в ту и другую сторону гремело, грохотало. Несмотря на то, что мы находились от верхов края не ближе, как километр, дадесять километров, мы слышали

После артподготовки сразу пошла наша авиация. Эскадра эскадрилей бомбардировщиков и штурмовиков, истребителей

В номерах газеты «Сталин» датированных февралем 1945 года, — приказами Великого Главнокомандующего Малого Советского Союза И. Сталина, в которых перечисляются командиры войск, наиболее отличившиеся в боях, оперативные сводки

22 июня 1945 года вышел очередной номер. Он был посвящен четвертой годовщине начала Великой Отечественной войны. Его участ

«Красная Армия победила, завершила войну с Японией. Яская вояница не выдержала их сокрушительных ударов и жила оружие» – так называли передовица в газете «Сталинко» 20 октября 1945 года. Вторая

**ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ПОСОБИЕ
НА РЕБЕНКА**

Управлением по социальной политике ежемесячно осуществляется выплата ежемесячного пособия на ребенка гражданам, имеющим детей в возрасте до 16 лет. На сегодняшний день на учете состоит 7832 получателя (10223 детей). Размер пособия составляет 70 рублей в месяц.

В связи с вступлением в силу 1 января 2005 года Социального кодекса Белгородской области увеличился размер детских пособий по уходу за ребенком до 1,5 лет. Выплачиваются детям, чьи родители являются одинокими матерями. Детям, родители которых уклоняются от уплаты алиментов, либо в других случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, когда взыскание алиментов невозможно, детям из многодетных семей, детям-инвалидам, а также детям военнослужащих, проходящих службу по призыву.

Пособие назначается, начиная с месяца рождения ребенка. При обращении за пособием по истечении шести месяцев с месяца рождения ребенка оно назначается и выплачивается за истекшее время, но не более чем за шесть месяцев до месяца, в котором подано заявление о назначении этого пособия со всеми необходимыми документами.

Ежемесячное пособие на ребенка назначается и выплачивается одному из родителей в семье со среднедушевым доходом, размер которого не превышает величину прожиточного минимума Белгородской области.

В целях реализации постановления главы местного самоуправления г. Губкина и Губкинского района от 14 января 2003 года № 1/23

У НАС НА ВСЕХ ОДНА ПОБЕДА

В канун самого главного праздни-
ка - 9 Мая - в РДК п. Троицкий состо-
ялось районное торжественное со-
брание, посвященное 56-й годовщине
Победы советского народа над гит-
леровской Германией.

Открыл же в Губини главную местную самоскульптуру — Губини и Губинское село. А. Кротов. В частности, в нем рассказ о ветеранах Великой Отечественной войны, о том, как поколение, пережившее реалии тех прозвонных лет, должно помнить живущих, помнить, а их стойкость и мужество, пропаленные при защите Родины, вселяют гордость за отцов и дедов. Отметим территориальной администрации на заверши присутствующих, что в Губини делается и всегда будет делается все, чтобы ветеранам было лучше жить, и чтобы не только в праздники, но и в будни их окружала забота и внимание.

Затем слово для доклада по случаю 56-й годовщины Великой Победы было предоставлено председателю Губинского

по районного совета ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов Н.Я. Чувае. Большое внимание в своем докладе он уделил вопросу увековечения памяти погибших земляков, воспитания в духе патриотизма подрастающего поколения и др. Отметил большой вклад территориальной администрации и администрации сельских и поселковых округов в решении проблем ветеранов инвалидов ВОВ, поддержке многих инициатив, доблестного народа.

Со своими воспоминаниями о боевом пути выступили участники Великой Отечественной войны В.С. Аурин – в числе первых вступивший в бой с фашистами на границе, В.Л. Калайчикин – участник Сталинградской битвы, А.Д. Козыренко – вращавший в радиостанции 45-м Берлин. О том, как жили и ковали победу в тылу повествовали М.М. Малахова – участница строительства железной дороги Старый Оскол-Явиз, и

От имени нынешних защитников Отечества поздравили ветеранов с праздником Героями России В.М. Дукеев, военнослужащий Роман Попов и допризывник Анатолий Жибосед. Они общались высокомерно: воинскую славу своей армии и страны.

Н. ПОЛУХИН

На снимках: слева — допозация ветеранов городского сельского округа; справа (сверху) — выставки, подготовленной районной ЦБС честь 56-й годовщины Победы; внизу — волонтеры живых цветов

PHOTO BY TOPA

РАДИ ПАМ'ЯТІ
ПЕРШОГО
ВОЙНИ ЖИВІ

Содержание

Вступительное слово А.Н. Горбатовского	3
Автобиография	5
Фронтовые записи 1941-1942 гг.	11
Фронтовые записи	64
Из воспоминаний дочери	95

Ответственный за выпуск: Г.Н. Мызина, директор
МБУК «Губкинский краеведческий
музей»

Редакционная коллегия: Л.Н. Арепьева, С.И. Зацепина,
И.И. Семенихина, Е.Н. Солнышкина

Редактор: Г.Н. Мызина

Дизайнер-верстальщик: Е.И. Белоусова

**Писал он летопись войны
(из дневника военкора
В.И. Жилмостных)**

Белгородская обл., г. Старый Оскол,
м-н Жукова, д. 45
ИНН/КПП 3128091751/312801001
ОГРН 1133128000598
Тел. (4725) 45-20-61, 8-903-884-29-94
e-mail: assistant-plus@yandex.ru